

Даниель Стерн

Мари Катрин Софи де Флавины, графиня д'Азу

(31.12.1805 - 5.03.1876)

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(продолжение)

Приведено по:

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА ВО ФРАНЦИИ (февраль—июнь)

в воспоминаниях участников и современников

Серия «ИНОСТРАННЫЕ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ»

Подбор, перевод, статья и комментарии Е.Смирнова

Москва—Ленинград: АCADEMIA. 1934. С.79-162

Веб-публикация: библиотека [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010. Порядок комментариев Е.Смирнова изменен по сравнению с оригиналом. Дореформенная орфография сохранена. Дополнительные ссылки добавлены нами. Другие фрагменты сборника можно скачать в библиотеке или сообществе [Vive Liberta](#): <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

Начало - 1. В королевском дворце и на улицах - http://vive-liberta.narod.ru/doc/1848_stern-1.pdf

2. Народ в Тюильрийском дворце

Вернемся к инсургентам, которых мы покинули, когда они входили во двор королевского замка. Велико было их удивление, когда они увидели, что войска не делают никаких приготовлений к обороне. Они еще не знали о бегстве короля и едва верили слухам об его отречении. Они ожидали встретить в Тюильрийском дворце жестокое сопротивление.

Первая колонна инсургентов, проникшая во двор, находилась под командованием стрелкового офицера 10-го легиона, человека решительного и преданного, капитана Дюнуайе.

Интересно проследить движение этой колонны с того момента, как она покинула ряды защитников династии. Было около девяти часов утра. Только что узнали в мэрии 10-го округа, куда 3-я рота 4-го батальона, под командованием капитана Дюнуайе, пошла потребовать выдачи пуль, что военная тюрьма Аббатства, охраняемая отрядом пехотинцев, подверглась атаке со стороны народа. В этот момент появляется группа студентов Политехнической школы. Они громко заявляют, что все студенты разделились па группы и разошлись по различным округам, чтобы совместно с национальной гвардией способствовать восстановлению порядка и защите свободы. Радостные крики: «Да

здравствует Политехническая школа! Да здравствует реформа!» — приветствуют это заявление, и тотчас же весь отряд направляется к Аббатству, чтобы там, если еще возможно, помешать дальнейшей борьбе между народом и войском. Выйдя на площадь, отряд видит, что инсургенты уже завладели тюрьмой; они разоружили солдат, освободили арестантов и приступили к разрушению тюрьмы. Не зная, с какими намерениями пришла национальная гвардия, они молча отступают за свою баррикаду, воздвигнутую в верхней части площади, и оттуда наблюдают за действиями национальной гвардии. Капитан Дюнуайе подходит к ним и требует, чтобы они прекратили бесполезное разрушение здания. Повстанцы отвечают восклицаниями: «Да здравствует национальная гвардия! Да здравствует Политехническая школа! Да здравствует реформа!»

— Да, друзья мои, да здравствует реформа! — говорит Дюнуайе, — Пусть те, кто желает ее, следуют за нами, соблюдая порядок, и дисциплину.

Затем, увидя, что инсургенты вооружены лишь секирами, кузнечными молотами, клещами, топорами, ломami и саблями и не имеют ружей, он предлагает пойти заpastись ими в муниципальной казарме на улице Турнон. Все выстраиваются за ним и направляются вперед, распевая марсельезу.

С этим подкреплением, которое доводит его численность до шестисот человек, отряд направляется к казарме на улице Турнон. Казарма оказывается занятой отрядом 11-го легиона. Муниципальные гвардейцы покинули ее еще рано утром, чтобы пойти занять позицию на правом берегу Сены.

Тогда Дюнуайе ведет своих людей в казарму пожарной команды на улице Вье-Коломбье, где он рассчитывает найти оружие. Казарма заперта; часовой уходит в помещение поста. Комендант показывается у окна нижнего этажа, и когда капитан Дюнуайе требует у него оружия для своих волонтеров, он соглашается после некоторого упорства выдать приблизительно восемьдесят ружей, которые и передаются через оконную решетку. Ружья заряжены; одно из них случайно выстреливает. Некоторые инсургенты, считая, что на них нападают, кричат: «Мсть» и собираются поджечь ворота; но национальной гвардейцам удается их успокоить. Отряд двигается дальше и разделяется на две части; сотня волонтеров из народа направляется через улицу Шерш-Миди к дому военного суда, с решением захватить его силою. Привлекши к себе по пути новых бойцов и запасшись оружием, они должны взять с задней стороны казарму на Вавилонской улице, между тем как главный отряд, под

командованием Дюнуайе, будет ее атаковать спереди.

Но когда они подходят к Вавилонской улице, некоторые национальные гвардейцы, выйдя на разведку с целью выяснить расположение казармы, узнают, что войска покинули ее еще накануне и что в посту остается лишь небольшое число молодых солдат, вступивших в полк. Сержант, с которым вступают в переговоры, предлагает принять к себе в пост нескольких национальных гвардейцев, чтобы совместно охранять казарму, прибавляя в то же время самым решительным тоном, что если его попытаются разоружить, он и его солдаты будут защищаться до последней капли крови. Этот энергичный ответ вызывает общее уважение. Капитан Дюнуайе приказывает своему отряду повернуть и отправляется на соединение с отрядом, возвращающимся с поста здания военного суда.

Этот пост после короткого сопротивления был взят и разоружен. Как и в других местах, сожгли ворота и освободили арестованных солдат. В то же время узнают, что другие отряды инсургентов взяли казармы на улице Муфтар, на улице Гре, на улице Фуен и на улице Карм и разоружили все находившиеся между ними посты. На этой стороне Сены победа народа полная.

Отряд Дюнуайе, разрастаясь по мере своего продвижения вперед и доведя свою численность до полутора тысяч человек, пройдя множество баррикад, достигает предместья Нового моста, у входа на набережную Копти. Муниципальная гвардия выстроена на набережной Часов. Отряд конных кирасиров выстроился насупротив облицованного камнями земляного вала Генриха IV. Инсургенты останавливаются на минуту и развешивают свои знамена с восклицаниями: «Да здравствует реформа!» Но, видя, что войска стоят в порядке и готовы принять бой, они отправляются дальше.

У входа в улицу Малых Августинцев показываются скачущие по набережной Вольтера десять конных национальных гвардейцев, помахивающих белыми платками. Передний кричит:

— Все кончено, друзья мои! Король отрекается в пользу своего внука, герцогиня Орлеанская назначается регентшей!

При этих словах вспыхивает ропот в рядах инсургентов.

— Это все возможно, — отвечает Дюнуайе, — но мы потеряли веру в слова. Мы не расстанемся со своим оружием, пока армия не будет выведена из Парижа.

Не настаивая больше, национальные гвардейцы устремляются в улицу Святых Отцов. Они собираются объехать все Сен-Жерменское предместье с сообщением об отречении, которое почти повсюду принимается с радостью.

Между тем колонна достигает моста Святых Отцов, занятого

войском. Прежде чем двигаться дальше, Дюнуайе держит совет с окружающими его и предлагает перейти на ту сторону Сены, чтобы двинуться на Тюильрийский замок. Некоторые замечают, что если король действительно отрекся, нужно немедленно поскакать в палату депутатов, чтобы отбить попытки учредить регентство. Другие присоединяются к мнению капитана. Но во время этих переговоров отряд был охвачен сильными колебаниями. Сообщение об отречении короля и о регентстве герцогини Орлеанской, вид набережных, занятых, повидимому, мужественно настроенными войсками, сильная перестрелка, раздающаяся беспрестанно со стороны Пале-Рояля, охладили пыл бойцов. Многие полагают, что было бы безумием переходить на правый берег и выступить с такими слабыми силами против охраняющих Тюильрийский дворец значительных военных сил. Шесть или восемь студентов Политехнической школы заявляют Дюнуайе, что они обещали своим начальникам не выходить за пределы округа и действовать только мирными средствами. Не слушая никаких возражений, они удаляются. И тотчас же большинство национальных гвардейцев и волонтеров следуют их примеру. Отряд, только что насчитывавший полторы тысячи человек, теперь состоит едва из полутора, среди которых лишь шестьдесят национальных гвардейцев и четыре студента Политехнической школы, которые, хотя и подвергают себя всем опасностям предлагаемой смелой попытки, заявляют, что останутся верными клятве, данной начальникам, не обнажать своих шпаг.

Этот уход на минуту смущает Дюнуайе, — на него падает огромная ответственность. Необходимо предпринять решительный шаг, а он не может скрывать от себя, что положение принимает неблагоприятный оборот. Но энтузиазм его маленького войска воодушевляет его.

— Вперед! Вперед! — кричат вокруг него. Барабаны бьют наступление, отряд решительно вступает на мост с риском быть сметенным картечью.

Набережные Лувра и Тюильри заняты войсками. 7-й кирасирский полк, пришедший с Нового моста, выстроился по левую сторону; 37-й пехотный в полном вооружении стоит с правой стороны. Настроение войск не выяснено, но хотя; в их поведении нет ничего вызывающего, они, повидимому, готовы принять бой.

Отряды повстанцев останавливаются на небольшом расстоянии от первых шеренг. Дюнуайе, подойдя к офицерам, заявляет им, что три легиона левого берега в сопровождении вооруженного народа идут в Пале-Рояль, чтобы остановить кровопролитие. Его отряд, — говорит он, — является авангардом

народной армии и требует свободного пропуска.

Один из офицеров идет за распоряжениями к полковнику, который, видя среди народа национальных гвардейцев, поднимает вверх рукоятку своей шпаги, и тотчас же солдаты опрокидывают свой ружья. Перед революционным отрядом открывается свободный проход, он направляется к Лувру с восклицаниями: «Да здравствует Франция! Да здравствуют кирасиры! Да здравствует пехота!» Оркестр полка отвечает на эти восклицания марсельезой.

В это время некоторые повстанцы продвигаются один за другим Тюильрийской набережной, братаясь с солдатами. Вскоре проникают они во двор Каруселя через Оранжерейный подъезд.

Двор Тюильрийского замка занят многочисленными войсками, но Карусельская площадь полностью эвакуирована. Вооруженная толпа,двигающаяся из улицы Святого Фомы, начинает ее наполнять в тот самый момент, когда колонна с левого берега полностью проходит через Луврский подъезд. Раздается три орудийных выстрела; со стороны дворца слышна перестрелка; несколько повстанцев падают убитыми и ранеными. Отряд Дюнуайе отвечает на огонь, и его залпы поддерживаются огнем группы, прошедшей через Оранжерейный подъезд. Несколько пуль пронзают одновременно несчастного доезжачего в парадной красной ливрее, ведущего к замку двух лошадей из королевских конюшен для кареты герцогини Орлеанской. Тотчас же, по требованию некоторых своих товарищей, Дюнуайе командует отступление, чтобы пойти еще раз разузнать о намерениях войска, охраняющего подступы к Карусельскому мосту. Происходит братание. Кирасиры заявляют, что хотят вернуться в Версаль, где расположен их гарнизон. Тем временем стрелок Торде, видя, что из двора Тюильрийского замка вывозят несколько орудий через подъезд Королевского моста, идет посмотреть, не собираются ли они обстреливать его отряд. Он замечает, что орудия направляются к площади Согласия. Тогда барабаны инсургентов бьют наступление, отряд возобновляет свое продвижение через почти пустую площадь и доходит до поста главного штаба, где выстроена с отставленными ружьями дежурная национальная гвардия, состоящая из нескольких отрядов 4-го, 5-го и 6-го легионов.

Дюнуайе предлагает командиру присоединиться к нему, чтобы вместе пробраться в Тюильрийский дворец; последний отказывается, ссылаясь на то, что стоит здесь по приказу и без нового приказа не может покинуть свой пост. Несмотря на этот отказ, инсургенты идут дальше. Почта тотчас же отряды национальной гвардии покидают площадь и расходятся по разным соседним по-

стам. Отряд Дюнуайе подходит тогда к решетке дворца и вскоре входит в него через Лестничный подъезд, который открывается для прохода дежурной национальной гвардии. Отряд проходит полным порядком с барабанщиками впереди и с опрокинутыми ружьями. Он рассеивается по двору замка с восклицаниями: «Да здравствует реформа!» Национальная гвардия, выстроенная у Лестничного поста и вдоль павильона Часов, стоит мрачно и молча. Сильная артиллерия продолжает еще бой во дворе. 25-й пехотный полк в полном вооружении стоит у поста, где сложено его знамя. Издали виднеются артиллерийский батальон и значительные отряды кавалерии. В рядах этих многочисленных войск царит полное молчание. На всех лицах видна глубокая растерянность. Дюнуайе подходит к командиру 52-го полка и говорит:

— Весь Париж охвачен революцией. Национальная гвардия народ и войска братаются. Мы приходим сюда побрататься со славным пятьдесят вторым.

Офицеры отвечают Дюнуайе, что они собираются уйти. Сержант, которого он спрашивает, много ли у них пуль, показывает ему свою пустую патронную сумку.

Тем временем к Дюнуайе подходит лакей графа Парижского. Он сообщает ему, что герцогиня Орлеанская находится в палате депутатов, закликает его охранять герцогиню при ее возвращении и предлагает ему сесть в одну из двух стоящих карет, собирающихся поехать за регентшей и молодым королем, прибавляя при этом, что уполномочен предложить ему за эту услугу все, что он пожелает.

— Не рассчитывайте ни на меня, ни на моих товарищей по оружию, — отвечает ему Дюнуайе, — мы пришли сюда не для того, чтобы прислуживать принцам.

Почти в то же время Лемерсье в парадной форме полковника национальной гвардии подходит и обращается к Дюнуайе с той же просьбой и с теми же обещаниями, но видя, что не может его привлечь на свою сторону, садится в одну из карет и уезжает в палату депутатов. Находящийся здесь стражник дворца на вопрос инсургентов сообщает им, что король находится еще в своих апартаментах. Инсургенты тотчас же направляются к павильону Часов. Там они встречают коменданта дворца, полковника Бильфельда, бледного, вне себя от страха. Он кидается в объятия к Дюнуайе и умоляет пощадить его. Последний успокаивает его, но советует ему снять свой мундир и поскорее убраться из дворца. Трое повстанцев отделяются от отряда, чтобы проводить полковника до его апартаментов. Все более и более удивляясь успеху своего смелого похода, повстанцы проникают в вестибюль

павильона Часов, откуда они издали видят в саду, решетчатая ограда которого еще заперта, убегающий кортеж герцогини Орлеанской, пробирающийся на площадь Согласия. Они поднимаются по большой лестнице, озираясь на каждом шагу и опасаясь подвергнуться нападению. Так они со всякими предосторожностями обходят ряд зал и галлерей. Генерал Карбонель, в дождевом пальто поверх мундира, быстро проходит мимо них и оборачивается, прося волонтера Лакомба щадить обстановку в апартаментах. В служебной комнате ламповщик спокойно чистит ламповое стекло.

Наконец они достигают тронной залы. Скрещенные шелковые трехцветные знамена с золотой бахромой укрывают обе стороны королевского кресла. Каждый повстанец хочет на нем посидеть. Дюнуайе обращается к своим товарищам по оружию с горячей речью и затем чертит на резьбе трона такие простые слова:

ПАРИЖСКИЙ НАРОД - ВСЕЙ ЕВРОПЕ:

Свобода, равенство, братство

24 февраля 1848 г.

Восторженный крик: «Да здравствует республика!», впервые раздающийся в этот день, — приказ политических вождей в точности исполнялся, — приветствует это торжественное возвешение победы народа. Повстанцы бегут к окнам и там повторяют свои восклицания. В ответ на этот призыв обегают дежурные национальные гвардейцы. Один из них, поручик 5-го легиона, поднимается на ступени трона и, ко всеобщему удивлению, начинает речь в пользу принца Луи Бонапарта. Прерванный проявлениями единодушного негодования, растерявшийся оратор скрывается в толпе.

После короткой остановки отряд Дюнуайе возобновляет свое движение вперед и пересекает комнаты, ведущие к Музею. Все свидетельствует о том, что дворец сейчас только покинут королевской семьей. В каминах пылает огонь. Шары и биллиардные кии лежат еще в беспорядке на сукне, как если бы начатая партия была на минуту прервана. Пианино стоит раскрытым. Там и сям лежат альбомы. В столовой стол только наполовину убран; некоторые инсургенты наспех закусывают. Когда они подходят к лестнице павильона Флоры, у прилегающего к Лувру, к ним долетает смутный гул. Двустворчатая дверь как бы сама открывается, и инсургенты видят у входа в большую галерею Музея, в десяти шагах от себя, отряд муниципальных гвардейцев в полном вооружении; на другом конце галереи отряд артиллеристов занят складыванием баррикады из скамей.

Инсургенты сразу останавливаются, думая, что они попали в западню.

— Измена! — кричат они и берут ружья наизготовку.

Но капитан Дюнуайе становится между ними и муниципальными гвардейцами и говорит, обращаясь к командиру:

— Вы все славные ребята, вы можете защищаться. Но к чему? Король бежал. Победивший народ сбегается со всех сторон. Ни один из вас не спасется от его гнева. Бросайте свое оружие, доверьтесь нам, и мы клянемся вас спасти.

Унтер-офицер протягивает руку Дюнуайе, показывая этим, что мир заключен. И тотчас же солдаты опрокидывают свои ружья с восклицаниями: «Долой Гизо! Да здравствует парижский народ! Да здравствует национальная гвардия! Да здравствует реформа!» Затем они складывают свое оружие, сбрасывают мундиры и на- тронные сумки и начинают пожимать руки национальным гвардейцам и инсургентам. Последние, опасаясь наплыва народа, спешат снять с себя часть своей одежды, чтобы прикрыть ею муниципальных гвардейцев. Затем берут их под свою охрану от сбегавшейся вооруженной толпы и проводят их небольшими группами в пост Марсанского павильона, только что покинутого 52-м пехотным полком. Там муниципальные гвардейцы заканчивают свое переодевание и поодиночке уходят. Артиллерийский отряд следует их примеру и присоединяется к другому артиллерийскому отряду, собирающемуся, подобно 52-му пехотному полку и всем остальным войскам, покинуть двор королевского замка.

Во время этого отступления в Зале маршалов разыгрывается политическая демонстрация особого характера. Человек высокого роста, с растрепанными волосами, с впалыми щеками, с пылающим взором, в разорванной одежде, врывается в толпу. В его конвульсивно сжатых руках дрожит лист бумаги. Он делает знак, что хочет говорить. Он поднимается на скамью и начинает утомленным голосом чтение, теряющееся в общем шуме. Но вдруг устанавливается тишина. В нем узнали преданного друга народа, героя Лионского восстания, пылкого республиканца — Шарля Лагранжа. Его окружают со всех сторон. Его с жадностью слушают, ироническим тоном читает он акт отречения короля.

— Граждане, — восклицает он, оглядывая свою аудиторию как бы вопрошающим взором, — разве это вам нужно? Что же, Франция склонится под скипетром ребенка, женщины? Или вы хотите регентства по женской линии?

— Нет, нет! — восклицает толпа. — Долой королевскую власть. Не нужно нам регентства!

— Вы правы, друзья мои, — отвечает Лагранж, — нам нужна хорошая республика!

И он сходит со скамьи при общих восклицаниях: «Да здравствует республика!» Его окружают, его мнут и душат в порыве всеобщего энтузиазма. В сопровождении толпы он направляется в тронную залу, где капитан Дюнуайе собирает своих людей и готовится двинуться в палату депутатов. Он срывает с трона красное знамя. Поручик Жирар из 11-го легиона срывает другое знамя, которое вручает молодому Леблену из Политехнической школы.

— В палату депутатов! В палату депутатов! Не нужно Регентства! — кричат со всех сторон.

Отряд трогается. Торопясь за своими вождями, инсургенты оставляют Тюильрийский дворец в распоряжение толпы. Они выходят через подъезд павильона Флоры, пересекают Королевский мост и направляются по набережной Орсе к Бурбонскому дворцу. Почти два часа дня.

Между тем как отряд Дюнуайе выходит с одной стороны, значительные массы народа входят с другой стороны во двор замка. Карусельская площадь и двор уже почти в течение десяти минут совершенно пусты. Войска отступили. Национальные гвардейцы вошли во дворец или рассеялись по постам. Народная масса, явившаяся завладеть Тюильрийским дворцом, без всякого шума и в полном порядке продвигается вперед. Мэр 2-го округа, Берже, с палкою в руках, опоясанный трехцветным шарфом, идет во главе этого вооруженного, но мирного шествия. Там — рабочие в блузах, национальные гвардейцы, солдаты-пехотинцы, женщины, дети, держащиеся за руки и радующиеся своей легкой победе, объятые одной лишь мыслью о полном братстве. Мирная толпа вскоре рассеивается по всем королевским апартаментам. В этот момент Жирарден, возвращающийся с площади Пале-Рояля и не знающий еще о последних событиях, входит во дворец. Подхваченный народной массой, узнавшей его и втолкнувшей во дворец, он заброшен расспросами инсургентов, столь же мало знающих, как и он, что случилось с королевской семьей. Он сообщает им об отречении Луи-Филиппа и о регентстве герцогини Орлеанской. Это сообщение принимается с удовлетворением; оно, повидимому, даже превосходит ожидания спрашивающих.

— Правда ли это? Подписано ли?

Жирарден, чтобы заставить поверить своим словам, присаживается к столу и в течение почти целого часа пишет и подписывает около пятисот бюллетеней такого содержания:

*Отречение короля;
Регентство герцогини Орлеанской;
Роспуск палаты депутатов;
Всеобщая амнистия.
Эмиль де Жирарден*

Между тем Жирарден замечает в заседающей и шумно толкающей друг друга толпе Дюнуайе с трехцветным знаменем в руках, словами и жестами переговаривающегося с окружающими. Он собрал вокруг себя группу приблизительно в двести человек, которую собирался повести в палату. Жирарден присоединяется к нему, считая, что присутствие этой народной массы может содействовать провозглашению регентства. Отряд двигается вперед и выходит через подъезд Марсанского павильона на улицу Риволи.

Войска, стоящие на площади Согласия, без всяких затруднений пропускают этот небольшой невооруженный отряд. Дойдя до решетки дворца палаты депутатов, Дюнуайе выстраивает свой отряд подле дворцовых карет, ожидающих выхода герцогини Орлеанской. Он обменивается несколькими словами с генералом Гурго и проникает в здание палаты. Жирарден уже там и, хотя он уже не состоит депутатом, он занимает свое прежнее место рядом с Ламартином.

С этого момента до поздней ночи Тюильрийский замок переходит во владение масс. Целыми потоками расплываются они от подвалов до чердаков. Восхищенные представившимся их взорам великолепием, с любопытством присматриваясь ко всему, удивленные, оглушенные своим собственным шумом, подстрекаемые своей собственной вольностью, пьяные сперва от радости, а потом и от вина, они предаются разным эксцессам и капризам сумасбродного воображения. Этот замок, из которого строгий этикет королевы-ханжи в мрачное вдовство изгнали в последние годы всякое веселье, становится театром великой оргии, неопикуемой сатурналии.

Между тем как одни, желая утолить свою ненависть, набрасываются на бездушные вещи, разбивают зеркала, люстры, севрские вазы, разрывают в клочья штофные обои, уничтожают, топчут ногами, сжигают, рискуя вызвать ужасающий пожар, книги, бумаги, письма и рисунки*, другие — и таких гораздо больше —

* В эти первые часы в разрушениях замечалась известная система. В Зале маршалов портрет маршала Бюжо продырявливается штыками и разрывается в клочья; портрет маршала Сульта расстреливается. Имена зачеркиваются и заменяются словами: «Изменники отечеству». В

доставляют себе с безобидным подъемом более тонкое наслаждение инсценировкой всяких насмешливых и сатирических живых картин. Импровизированные актеры, они представляют с самым важным комизмом торжественные официальные приемы. В зале для спектаклей, где они завладевают всеми инструментами оркестра, невообразимая какофония как бы пытается олицетворить хаос революционного момента.

Другие садятся за игорные столы, и ставками в их игре служат миллионы цивильного листа. Обращают на себя внимание два человека, которые, сидя за шахматным столиком, подперев головы руками, с устремленными на шахматную доску глазами, погруженные в глубокое обдумывание, разыгрывают среди оглушительного шума немую комедию. За окнами слышен треск переkreщающихся выстрелов, а здесь перебрасываются острыми словечками и шутками.

— *Это ты слепой!* — восклицает один рабочий, обвязывая своим платком глаза на мраморном бюсте Луи-Филиппа.

— Что ты тут делаешь, маркиз? — спрашивает шутник у мальчика, держащего в руках план Нейи.

— Не видишь разве, виконт, — я рассматриваю план моего имения, — отвечает мальчик с важным видом.

Дети облачаются в бархатные халаты, опоясываются золоченой бахромой и жгутами занавесей, делают себе фригийские колпаки из кусков штофных обоев. Женщины выливают себе на волосы ароматные эссенции, которые они находят на столах принцесс. Они румянят себе щеки, покрывают свои плечи кружевами и мехами, украшают свои головы перьями, драгоценностями, цветами; с своеобразным забавным вкусом они устраивают себе экстравагантные наряды. Одна из них с пикою в руке, с красным платком на голове, становится в парадном вестибюле и так стоит там в течение нескольких часов, неподвижная, со сжатыми устами, с недвигающимися глазами, застыв в позе статуи Свободы. Все дефилируют перед нею со знаками глубокого почтения.

Наконец, около трех часов престол, непрерывно передвигаемый с места на место инсургентами, желавшими поочередно посидеть на нем, поднимается на руках и сносится по парадной лестнице в вестибюль павильона Часов. Устраивают триумфальное шествие. Барабанная дробь выбивает фантастические такты. Два молодых человека, сидящих на великолепных лошадях из королевских конюшен, становятся во главе кортежа; кресло несут на своих плечах четверо рабочих, за которыми следует многочисленная толпа. Так пересекают сад,

площадь Согласия и всю линию больших бульваров. Огромная толпа, вооруженная пиками с кусками пурпура, шелкового узорчатого штофа, парчи, придворных мундиров и ливрей на их остриях, помахаивающая штыками и саблями, с огромными кусками говядины, хлеба, свинины и пустыми бутылками, взятыми из королевских кухонь и подвалов, двигается, распевая марсельезу. У каждой баррикады она делает остановку, и трон устанавливается на камнях разобранной мостовой и служит трибуной для какого-нибудь народного оратора. Наконец, достигнув площади Бастилии, трон устанавливают у подножья Июльской колонны. Раздается продолжительная дробь барабанов. Приносят несколько пучков хворосту и складывают их под креслом. Их зажигают, яркое потрескивающее пламя вспыхивает и поднимается, и вокруг него тотчас же начинает кружиться веселая толпа. Круг расширяется, подхватывая близ стоящих; он учащает свой ритм, ускоряет бег, устремляется, расширяется и длится до тех пор, пока последние остатки трона не превращаются в кучку пепла. Тогда раздаются громкие крики радости, но вскоре они заглушаются энергичными призывами, напоминающими бойцам о цели революции: «В городскую ратушу! В городскую ратушу!»

3. Народ в палате депутатов

Палата пэров была созвана к 3,5 часам. Короткие прения о протоколе заняли первые моменты заседания. Затем поднялся канцлер и взволнованным голосом возвестил собранию о происходящих событиях.

— Господа, — сказал он, — я знаю лишь из «Moniteur», что прежнее министерство уже не существует и сейчас составляется новое министерство. Я ни от кого не получил никакого официального уведомления, — следовательно, я ничего не могу сообщить палате.

Пэры, униженные и растерянные, также не считали, что нужно что-нибудь предпринять. Заседание было прервано. Во время перерыва распространился слух, что герцогиня Орлеанская должна приехать в Люксембургский дворец с графом Парижским. Но после долгого и тщетного ожидания канцлер, предложив пэрам усесться на свои места, объявил им в следующих выражениях, что они могут разойтись по домам:

— Мы послали трех наших товарищей к председателю палаты депутатов сообщить ему, что палата пэров собралась и ожидает сообщений. Эта миссия была выполнена, но из подробного отчета, представленного нам нашими товарищами, явствует, что палата депутатов не заседала к моменту их прихода. Так как наша

попытка не привела ни к какому результату, имею честь предложить палате закрыть заседание. Она будет оповещена, когда можно будет назначить следующее заседание.

Так закончила, так должна была закончить свое существование палата без определенного значения, без традиций, без силы, это искусственное представительство еще более искусственной аристократии.

Ни король, ни министры и не подумали о палате пэров в минуту опасности; ее не удостоили осведомить о совершившихся событиях. Никому и в голову не пришло спросить у нее политического совета, формальной поддержки, какого-нибудь проявления мужества и патриотизма. Ни монархия в своих последних конвульсиях, ни республика в первые моменты своей борьбы не вспомнили об этом инертном учреждении. Никто не позаботился даже распустить его. Оно было устранено, погрузилось в небытие, в котором оно прозябало уже раньше. Об нем нельзя даже сказать: оно умерло.

Зрелище, которое являл собою в те же часы Бурбонский дворец, хотя и очень различное, было почти не менее жалким. Начиная с двенадцати часов, толпа депутатов, журналистов, людей чуждых палате сбегалась со всех концов города. Все были напуганы, и страх, которым они были объята, читался на их лицах, в их костюмах, в замечаниях, которыми они обменивались. Никто даже не пытался среди всеобщей паники скрывать свои личные заботы.

Никогда, быть может, ни в один из моментов наших революционных кризисов, не замечалось подобного колебания, более явной растерянности, большей нерешительности и в настроениях и в сознании. И с удивлением, даже с грустью отмечалось, как ничтожно стало во Франции число людей с твердым духом, для которых всегда ясен их долг и которые всегда готовы на всякие жертвы. Но какую бы ни было поведение палаты депутатов в этот решительный момент, нужно признать, не для ее оправдания, но для нашего поучения, что она была тогда верным отражением того морального состояния, до которого пали высшие классы. Растерянность людей, старающихся уловить, на какую сторону склоняются весы победы, чтобы примкнуть к ней, опасения стать на сторону осужденного на гибель дела, благоразумие, пытающееся сидеть сразу на нескольких стульях, коварство, с опаскою взвешивающее каждое свое движение, укоренившийся в постоянных схватках наших гражданских войн навык смешивать успех с правом, эгоизм с мудростью, жульничество с искусностью, - вот из каких элементов составлялось к моменту упадка

царствования Луи-Филиппа общественное мнение, формально представленное в законодательных палатах, вот на каких устоях Орлеанская династия считала себя достаточно крепко стоящей для борьбы с разрастающимися народными стремлениями.

Открытие заседания было накануне назначено только на три часа дня. Созе еще не появлялся. В ожидании его прибытия в большом коридоре залы заседания, в совещательных кабинетах, в кулуарах, в канцеляриях, в трибуне журналистов люди входили и выходили, делясь друг с другом поступавшими новостями и, главным образом, своими догадками. Никто в точности не знал действительного положения. Самые противоречивые слухи встречались с доверием. Сообщали, что проехал Одилон Барро в сопровождении импровизированного кортежа; он отправился занять министерство внутренних дел. Друг у друга спрашивали, является ли еще Луи-Филипп королем, покинул ли он Тюильрийский дворец, за кого высказывается национальная гвардия, сражается ли еще армия, кто ею командует. Чувствовалось, что все отдано во власть судьбы.

Наконец, между тем как Карно и Мари решились поехать во дворец для выяснения всех этих сомнений, прибыли Вату и несколько других лиц из приближенных Луи-Филиппа, которые, подтвердив факт отречения, старались склонить влиятельных депутатов в пользу регентства. Берье и Любис, главный редактор легитимистской газеты («Монархический союз»), категорически высказывались за этот план. Утверждали, что «National» тоже высказывается за регентство и что министерство Одилона Барро и Марраста поддержит своей популярностью новое правление, свободное от всех прегрешений, в которых народ обвинял Луи-Филиппа.

— Правда, — заявляли в этих группах, — некоторые сумасшедшие говорят о «республике», но это течение не серьезно. Раз устранены король и герцог Немурский, будет очень легко побудить приветствовать герцогиню Орлеанскую и графа Парижского: молодую женщину, которой пристрастная партийная клевета никогда не смела касаться, и дитя, которое уже по одному своему возрасту не имело никакого касательства к событиям, никакой связи с людьми, которых ненавидело общественное мнение.

В то время как обменивались этими мнениями, примчался Тьер вне себя от волнения. Его окружили и забросали вопросами, он подтвердил факт отъезда короля, но больше ничего не знал, так как не видел ни герцогини Орлеанской, ни Одилона Барро.

— Я только что прошел через площадь Согласия. Войска не будут мешать проходу народа. Не пройдет и десяти минут, толпа ворвется в палату депутатов. Депутаты будут истреблены. Волна вздымается, вздымается, вздымается, - заключил он, поднимая свою шляпу, как бы подражая жестам тонувшего гребца.

Больше ничего не оставалось делать. И Тьер исчез, посеяв вокруг себя ужас и оцепенение.

Почти в то же самое время прибыл Созе и занял свое кресло. Трибуны для публики были пусты. На скамьях министров - никого. В трибуне журналистов Жерве (из Кана), Паскаль Дюпра и некоторые другие сотрудники «Reforme» громко говорили о республике. Марраст пытался заставить их замолчать.

Лафит предлагает палате депутатов объявить свое заседание непрерывным. Предложение принимается. Но депутаты, все более и более терявшиеся от поступавших извне новостей, и не думали проявить какую-либо инициативу. Заседание было прервано.

Наконец, около половины второго вводят какого-то офицера в парадном мундире, который, подойдя к Созе, что-то шепчет ему на ухо. И тотчас же председатель с большим замешательством объявляет, что герцогиня Орлеанская будет присутствовать на заседании палаты. Он приказывает поставить три кресла у подножья трибуны. Большое волнение охватывает все скамьи, когда в зал через дверь левого коридора входит герцогиня Орлеанская, держащая за руку графа Парижского. Впереди идет герцог Шартрский; свитою служат адъютанты и офицеры армейские и национальной гвардии. «Да здравствует герцогиня Орлеанская! Да здравствует граф Парижский! Да здравствует регентша! Да здравствует король!» — кричат на трибунах и на некоторых скамьях. Герцогиня кланяется; из-под приподнятого вуаля виднеются ее бледные щеки и воспаленные от слез глаза. Беспokoйным взором оглядывает она собрание, как бы ища покровителей. Увы! — она только что слышала самые различные восклицания. Проходя через большой коридор, она видела, как устремлялись в зал заседаний республиканцы, чтобы помешать осуществлению ее попытки», и в тот момент, когда она робкою поступью вступает в зал, группа решительных людей врывается, чтобы протестовать во имя народа против монархии и против ее сына.

Эмманюэль Араго, Сарран, Шекс (из Лиона) и Дюмениль только что прибыли из редакции «National», где с девяти часов утра заседали комитет из делегатов всех парижских кварталов и республиканцев всех оттенков. Комитет пытался сговориться с

комитетом газеты «Reforme». Все понимали, что необходимо объединиться и иметь на всякий случай наготове список временного правительства. Но объединения добиться было чрезвычайно трудно в виду разногласий между вождями и ожесточенной полемики обеих газет в течение последних лет. К моменту, когда вспыхнуло восстание, между Ледрю-Ролленом и Маррастом даже должна была произойти дуэль.

Взобравшись на стол, Луи Блан взывал к объединению. Феликс Пиа его поддерживал. Другие высказывались против него. Личные друзья Марраста отклоняли кандидатуру Ледрю-Роллена. Наконец, так как нужно было торопиться и можно было опасаться, чтобы палата депутатов, охраняемая войсками, не приняла энергичного решения, одинаково неприемлемого ни для «Reforme», ни для «National», Мартен (Страсбургский), не перестававший перебегать из одного комитета в другой, пытаясь добиться между ними соглашения, заставил обе стороны согласиться на следующем списке: Франсуа Араго, Дюпон (де л'Эр), Ледрю-Роллен, Флокон, Луи Блан, Мари, Гарнье-Пажес, Ламартин.

Тем временем поступило положительное сообщение об отречении короля, и Араго оповестил об этом батальон 2-го легиона, стоявший в улице Лепелетье, и народную массу, которая с утра толпилась у редакции «National».

— Король, отрекается в пользу своего внука, — сказал Эмманюэль Араго, стоя у окна, — но победивший народ не должен принимать этого отречения. Низложенный король не имеет права располагать верховной властью. Лишь сам народ может ныне распоряжаться своими судьбами. Лишь народ может назначить правительство по своему выбору.

И видя, что его слова не встречают никаких возражений, Араго предложил указанный сейчас список временного правительства. Происходившее тем временем в редакции заседание постановило послать в палату депутатов делегацию, поручив ей поддержать там революционное движение. И несколько минут спустя Араго, Шекс, Дюмениль и Сарран отправились пешком в Бурбонский дворец.

Выйдя на бульвар у улицы Дюфо, они увидели, кортеж из национальных гвардейцев и небольшого числа рабочих, главным образом подростков, окружавших наемную карету и кричавших: «Да здравствует реформа!» Делегаты подошли и узнали в карете Одилона Барро, Гарнье-Пажеса и др.; на козлах рядом с кучером сидел известный издатель демократической печати Паньер. Араго подошел к окну кареты и сказал:

– Вы едете в палату? Мы тоже туда идем. Вы едете туда, чтобы провозгласить правительство маленьких групп; мы идем туда, чтобы провозгласить волю народа.

Когда он заговорил о временном правительстве, Гарнье-Пажес и Одилон Барро стали попрекать его такими безумными замыслами.

Площадь Согласия была, как мы уже говорили, занята многочисленными войсками, выстроенными в данном порядке. Делегаты «National» не знали, удастся ли им пробраться через площадь. Араго выступил вперед и, попросив проводить его к генералу Бедо, отрекомендовался и заявил, что идет от имени парижского народа выполнить в палате депутатов официальную миссию и просит пропустить его и его товарищей. Генерал на минуту заколебался, но затем согласился пропустить делегатов. Последние уже достигли конца моста, как вдруг генерал, догнавший их галопом, крикнул Араго:

– Г-н Араго, пожалуйста, сообщите мне возможно скорее, что происходит в палате. Мы ничего не знаем, мы не получаем никаких распоряжений. Наше положение становится невозможным. Я послал уже несколько гонцов к министрам, но не получаю никакого ответа. Умоляю вас, скажите Одилону Барро или Тьеру, чтобы они немедленно прислали свои распоряжения.

Араго обещал и двинулся дальше. Когда он проник в большой коридор, он был оглушен стоявшим там шумом и беспорядком. Взволнованные группы горячо спорили о каких-то неясных предложениях, которые однако почти все клонились в пользу регентства. Эмманюэль Араго, которому благодаря его крупной фигуре и зычному голосу удалось пробиться сквозь теснившуюся толпу, стал протестовать против невразумительных речей сторонников династии и смело бросил им слово «республика». Едва он его произнес, как услышал сигнальный звук трубы и увидел, как женщина в трауре быстро прошла, почти незамеченная в общей суматохе. Это была герцогиня Орлеанская, направлявшаяся с графом Парижским в зал заседания. Нельзя было терять ни одной минуты. Араго и его товарищи устремились в зал вслед за нею и проникли в амфитеатр в одно время с нею через противоположную дверь. Араго, уже поднявшись на несколько ступенек, хотел взойти на трибуну; несколько депутатов его задержали. Созе пытается заставить его молчать. Завязывается оживленная перебранка. Между тем Дюпен, по предложению Лакросса и как бы против своей воли, ибо он понимает, что выступление дворцового приближенного может только повредить регентше, берет слово. В зал входит герцог Немурский.

– Господа, – говорит Дюпен, – вы знаете положение столицы, знаете, какие манифестации имели место. Они имели своим результатом отречение е.в. Луи-Филиппа, объявившего вместе с тем, что он передает власть графу Парижскому с герцогиней орлеанской в качестве регентши.

Многочисленные приветствия прерывают это торжественное заявление, правильность которого подтверждается присутствием герцога Немурского. Эти приветствия ободряют Дюпена, и он предлагает, чтобы они были зарегистрированы в протоколе.

– Господа, – говорит он, – ваши приветствия, столь ценные для нового короля и регентши, являются не первыми приветствиями, которыми ее встречали сегодня. Она пешком прошла Тюильрийский двор и площадь Согласия, эскортируемая народом и национальной гвардией и одушевляемая желанием управлять государством в интересах народа, в интересах всей нации, славы и процветания Франции. Предлагаю, в ожидании акта отречения, который нам будет, вероятно, доставлен г.Барро, чтобы палата распорядилась зарегистрировать в протоколе приветствия, которыми встретили в этом зале графа парижского в качестве французского короля и герцогиню Орлеанскую в качестве регентши.

– Господа, – сказал председатель, – мне кажется, что палата своими единодушными приветствиями...

При этих словах раздаются громкие протесты на скамьях как левой, так и правой и в особенности со стороны толпы, теснящейся у подножья трибуны. Эта толпа толкает, теснит герцогиню Орлеанскую и ее детей, не замечая их или не желая их замечать. Со своего места Ламартин предлагает председателю прервать заседание из уважения к народному представительству и присутствующей в зале принцессе. Это предложение, хотя и прикрытое словами уважения, было прямо враждебно интересам регентства; оно было даже неконституционно, ибо присутствие нового короля было необходимо на заседании народного представительства, которое должно было санкционировать его вступление на престол. Однако председатель объявил, что палата прервет свое заседание до того момента, когда герцогиня Орлеанская и новый король покинут зал заседания.

Герцог Немурский и некоторые депутаты предлагают герцогине удалиться. Но она отказывается. Она продолжает стоять на своем месте, держа за руки своих детей и пытаясь противостоять натиску толпы. Она понимает, что если она покинет палату, дело ее сына будет проиграно. Генерал Удино берет слово, чтобы поддержать право герцогини.

— Если принцесса желает удалиться, - говорит он, - да откроются перед нею все двери. Если же она желает остаться в этом зале, пусть остается, и она будет права, ибо ее будет охранять наша преданность.

Между тем Мари взошел на трибуну. Однако ему не удалось добиться тишины.

— Пусть все посторонние палате лица удаляться, - сказал председатель.

В этой общей форме это было новое требование герцогине Орлеанской покинуть зал заседаний. Уступая обращенным к ней со всех сторон просьбам, она поднимается по лестнице центра, но не может еще решиться выйти и садится со своими сыновьями на верхних скамьях. Герцог Немурский все время стоит подле нее и заносит какие-то заметки в свою записную книжку. Дюпен, Жирарден, несколько офицеров из свиты графа парижского и несколько национальных гвардейцев полукругом стоят подле герцогини, прикрывая ее собою.

— Барро? Где Барро? - кричат со всех сторон. Его ищут и с беспокойством ждут его. Всем кажется, что он один может решительно толкнуть в определенном направлении общее замешательство. Наконец министр регентства появляется в зале. Все взоры обращаются к нему, его окружают и требуют, чтобы он взошел на трибуну. Момент не лишен торжественности.

Барро прибыл в палату еще полный всяких иллюзий. Побывав в министерстве внутренних дел, где спешно занялся текущими делами. Разослав в департаменты телеграммы об отречении короля и установлении регентства, послав через полковника Куртэ войскам на площади Согласия приказ не стрелять в народ, он спешно поехал в палату депутатов. Когда он входил в совещательный кабинет, Эмманюэль Араго и некоторые депутаты, поджидавшие его прихода, увлекли его в один из кабинетов, где между ними завязался горячий спор о назначении временного правительства. Барро категорически высказывался против этого предложения, и хотя Араго предложил ему внести его имя в принятый в редакции «National» список, он заявил, что ни за что на это не согласится.

— Вся власть сосредоточена в моих руках, - не переставал твердить Барро, - я не могу принять никакого другого выхода, могу содействовать лишь учреждению регентства.

Дав такой категорический ответ, он вошел в зал заседаний. Мари еще был на трибуне. Ссылаясь на закон, по которому регентство должно было быть вручено герцогу Немурскому, Мари

протестовал против всякого спешного решения и требовал назначения временного правительства.

— Когда это правительство будет конституировано, - говорил Мари, - оно остановится на соответствующем решении. Оно может посоветоваться с палатами и будет пользоваться в стране надлежащим авторитетом. Приняв сейчас же такое решение и оповестив о нем Париж, мы совершим тот единственный акт, которым можно восстановить спокойствие. В такое время, как мы сейчас переживаем, не нужно терять времени на бесполезные речи. Требую, чтобы временное правительство было тут же организовано.

Предложение о назначении временного правительства принимается громкими аплодисментами в трибуне журналистов. Кремье спешит поддержать это предложение.

— В 1830 году, - говорит он, - мы поторопились, и вот теперь мы должны начинать все сначала. Ныне, в 1848 году, мы не хотим торопиться; мы хотим действовать правильно, согласно законам, и строить прочно. Назначим временное правительство. Пусть оно действует справедливо, твердо, с силою, пусть оно будет другом страны, с которою оно могло бы говорить откровенно, чтобы дать ей понять, что если оно пользуется правами, которые мы сумеем ему дать, оно несет также обязанности, которые оно должно уметь выполнять. Я предлагаю учредить временное правительство из пяти членов.

Среди общего волнения, вызванного этим предложением, депутат Женуд возвышает голос, чтобы потребовать обращения к народу.

— Вы не имеете права ни назначать временное правительство, ни учреждать регентство! - восклицает этот мужественный чемпион легитимной монархии и всеобщего голосования. - Нужно обратиться к нации. Без согласия народа ничего не будет сделано. Вы повторяете то же, что произошло в 1830 году, - вы тогда к народу не обратились. И вот произошла катастрофа. Теперь произойдет то же самое, и из того, что вы сейчас сделаете, произойдут самые ужасные бедствия для страны.

В это время Барро собирается подняться на трибуну.

— Барро! Барро! Дайте говорить Барро! - кричат с разных сторон. Шум сменяется глубокой тишиной. Барро, взволнованный, но вполне владея собой, начинает говорить. В кратких чертах рисует он картину, сложившегося положения. Его слушают благосклонно.

— Июльская корона почиет на головах дитяти и женщины, - говорит он торжественным тоном.

Центры аплодируют, герцогиня Орлеанская поднимается и кланяется собранию. Она держит в руке бумагу, переданную ей депутатом Кремье. Протягивая руку с этой бумагой, она пытается дать понять председателю, что желает взять слово.

— Мадам, поднимитесь на трибуну — говорит ей Жирарден. Герцог Немурский ее удерживает. Оробев, колеблясь в нерешительности, герцогиня Орлеанская напрягает, однако, все с мужеством и хочет попытаться говорить.

— Господа, мой сын и я пришли сюда...

Даже наиболее близкие соседи едва слышат ее слова. Шум, стоящий вокруг трибуны, и скрывающие ее офицеры не дают возможности Одилону Барро и Созе ни видеть ее, ни уловить одного слова. Герцогиня Орлеанская, обескураженная, снова садится. Такая продолжительная борьба явно превосходит ее физические силы и слишком неожиданна для нее, не имевшей возможности ни привыкнуть к власти, ни подготовиться к политической роли.

Одилон Барро, все еще полагающий, что может распоряжаться ходом событий, продолжает оставаться на трибуне. Он говорит о «политической свободе», о «единении», о «порядке», о «трудных обстоятельствах». Прерванный депутатом Ларошжакленом, он обводит скамьи правой и левой разгневанным взором.

— Неужто же, — вызывающе вопрошает он, — здесь собираются поставить под вопрос то, что мы уже разрешили июльской революцией?..

И он хладнокровно продолжает свою речь. Во имя интересов страны, во имя подлинной свободы он высказывается за регентство.

Тогда Ларошжаклен, не перестававший выказывать знаки нетерпения в продолжение речи Одилона Барро, устремляется на трибуну.

— Никто больше меня, — восклицает он, — не преклоняется перед тем, что есть прекрасного в некоторых положениях. Я отвечаю Одилону Барро, что не имею безрассудной претензии выступать здесь с возражениями ему. Нет, но я полагаю, что Барро не совсем так отстаивает, как он этого желал бы, интересы, для защиты которых он поднялся на эту трибуну. Господа, — продолжает Ларошжаклен, пытающийся искусно поддержать предложение Женуда, тайные надежды которого он разделяет, — мне кажется, что те, которые в прошлом всегда служили королям, могут теперь говорить о стране, о народе. В настоящее время вы не представляете здесь ничего...

Шумные протесты прерывают его.

— Мы не можем этого допустить! — восклицает Морне.

— Призываю вас к порядку, — говорит председатель.

Ларошжаклен, оставшийся на трибуне, поясняет свою мысль: «Я говорю, что в качестве палаты депутатов вы теперь никого не представляете...»

В этот самый момент, и как бы для подтверждения его слов, оглушительный шум раздается во внешних кулуарах. В дверь по левую сторону трибуны, градом сыплются удары прикладами. Дверь под давлением толпы вооруженных людей срывается, и они устремляются в зал с криками:

— Да здравствует свобода! Долой золотую середину! Долой регентство!

То ворвался отряд капитана Дюнауйе, привлечший к себе по пути значительное число рабочих, студентов и национальных гвардейцев, решившихся во что бы то ни стало помешать установлению регентства и провозгласить республику.

Пройдя скорым маршем все набережные, повстанцы добрались до решетки Бурбонского дворца, напротив площади Согласия. Две тысячи солдат под ружьем охраняют палату депутатов.

— Вы не войдете! — кричит генерал Гурго. — Палата заседает. Вы ей помешаете, — нужно относиться с уважением к палате.

— Наши отцы десятки раз врывались в Национальное собрание, — отвечает стрелок Коше, — и мы можем хотя бы один раз войти в палату продажных предателей.

И отряд готовится пробиться силою.

— Подождите по крайней мере, — твердо заявляет генерал, — дайте нам раньше узнать, что происходит в палате. Иду туда и даю вам слово, что сейчас же вернусь сообщить вам, что там обсуждается.

Ждут несколько минут, но вскоре инсургенты, видя, что генерал Гурго не возвращается, вскарабкиваются, несмотря на запреты часовых, на боковую стену забора, спускаются во двор и бегут к террасе, пытаясь прорваться внутрь здания.

В это время генерал выходит из дворца и направляется им навстречу. Он крайне взволнован. На его лице виден полный упадок духа. Из уважения к старому, вояке инсургенты останавливаются, отступают и тихо спускаются с террасы.

— На трибуне Кремье, — говорит генерал. — Он выступает против предложения об учреждении регентства. Сейчас Мари сам выйдет и оповестит вас об этом. Это друг народа — дожидайтесь его.

— Генерал, — восклицает Дюнуайе, — в палате редко можно встретить друзей народа. Большинство заглушит их голоса. Во имя Франции, генерал, не мешайте нам пройти!

И с этими словами он дает знак своему отряду двинуться вперед, становится во главе и ведет его через калитку с правой стороны решетки. Войска, стоящие там и сям с опущенными ружьями, не получают никаких распоряжений и остаются нейтральными. Дежурная национальная гвардия под командованием начальника батальона Рамон де Круазет не оказывает никакого сопротивления.

Тщетно Эмманюэль Араго, возвращающийся в редакцию «National» отдать отчет о своей миссии, пытается успокоить пыл инсургентов; тщетно Мари, осведомленный об их вторжении, выходит им навстречу и пытается остановить их у входа. Они ничего и слышать не хотят. Оттесняя, отталкивая дежурных, они устремляются в кулуары, выбивают двери, взбираются на скамьи. Капитан Дюнуайе вскакивает на трибуну. Прикрепив на мраморной доске древко своего знамени и размахивая саблей над своей головой, он восклицает громовым голосом, заглушающим на минуту стоящий кругом шум:

— Здесь нет никакой другой власти кроме власти национальной гвардии, представленной в моем лице, и власти народа, представленного сорока тысячами вооруженных людей, окружающих дворец.

При виде этого зрелища, при этой неслыханной речи напуганные депутаты, толпясь, взбегают на верхние скамьи. Председатель, бледный и растрепанный, дрожащею рукою размахивает колокольчиком. У подножья трибуны, неподвижный, со скрещенными на груди руками, со спокойным лицом, со взором поднятым к небу, словно мученик, Одилон Барро, повидимому, дожидается, пока неистовство толпы не уляжется само собою. Ледрю-Роллен стоит по правую сторону капитана Дюнуайе; его взор как бы спрашивает толпу. Он выжидает момента, когда можно будет овладеть ею жестом и словом. Ламартин, стоя на ступеньках лестницы, испытующим взглядом осматривает собрание.

— Господин председатель, наденьте шляпу! Какой ужас, какая гнусность! — восклицает Морне. — Нет больше свободы, сюда ворвалась какая-то банда разбойников!

Выразительный жест одного рабочего заставляет его замолчать. Ларошжаклен, стоя среди инсургентов, улыбается с торжествующим видом и, обращаясь к Дюнуайе, говорит:

— Мы идем прямо к республике.

— А что в этом худого? — спрашивает Дюнуайе.

— Да ничего, — отвечает Ларошжаклен. — Тем хуже для них, — они ее вполне заслужили.

В этих словах, сорвавшихся с уст Ларошжаклена, сказалась тайная надежда легитимистов; в его улыбке сияла радость мести. Между тем это вторжение толпы, среди которой можно было видеть много прилично одетых людей, национальных гвардейцев, студентов политехнической школы, эти совершенно новые, украшенные золоченой бахромой знамена показались подозрительными находившимся в трибуне журналистам. Республиканцам казалось одну минуту, что это инсценировка демонстрации в пользу регентши.

— Этот не настоящий народ, — восклицает депутат Жерве (из Кана). — Пойду посмотрю, чего хочет подлинный народ.

И он соскакивает с трибуны,

Бесчинство разрастается; со всех сторон раздаются крики и угрозы, всюду давка. Кулаками пробиваются на трибуну. Наконец посторонний палате человек, бывший редактор «Исторической библиотеки», Шевалье, захвативший на несколько минут трибуну, произносит звонким голосом следующие олова:

— Господа, единственное дело, которое вы можете сейчас сделать — это сию же минуту, дать нам правительство. Палаты должны немедленно возвести на престол графа Парижского.

— Он здесь! — раздается громкий голос. Все взоры обращаются к верхушке амфитеатра и ищут герцогиню Орлеанскую.

— Не нужно Бурбонов! Да здравствует республика! — кричат инсургенты.

Трибуна и ведущие к ней лестницы набиты рядом ораторов, что-то говорящих одновременно. Среди них можно видеть Дюмулена, Кремье, Ледрю-Роллена, Ламартина. Капитан Дюнуайе размахивает своим знаменем над их головами.

— Именем народа, — восклицает Ледрю-Роллен властным тоном, — требую тишины.

— Именем Ледрю-Роллена, молчите! — отвечает кто-то из толпы. При этом популярном имени устанавливается некоторая тишина.

— Господа, — говорит Ледрю-Роллен, — во имя вооруженного народа, завладевшего Парижем, я протестую против предложенного сейчас на этой трибуне какого-то правительства.

Затем, ссылаясь на все важные даты наших последовательных революций 1789, 1791, 1815, 1830, 1848 годов, он устанавливает долг всех добрых граждан не допустить узурпации власти регентством.

— Покороче, мы знаем историю, ваш вывод! — кричит Берье.

Ледрю-Роллен продолжает свою аргументацию.

— Кончайте же, — снова кричит Берье, — предложите учреждение временного правительства!

— Таким образом, я требую, — заканчивает оратор, — временного правительства, назначенного не палатой депутатов, а народом. Временное правительство и немедленный, созыв конвента, который установит права народа.

Это заключение приветствуется бешеными аплодисментами.

Ламартин, все время не покидавший трибуну, выдвигается вперед, чтобы в свою очередь взять слово.

Сторонники герцогини Орлеанской снова проникаются некоторой надеждой. Можно было действительно думать, что Ламартин выскажется за регентство. Во время дискуссии 1842 года он красноречиво поддерживал права герцогини Орлеанской. В то время он не заседал на радикальских скамьях. По своей аристократической натуре он должен был отрицательно относиться к народным движениям. Правда, в своей «Истории жирондистов» Ламартин прославлял Гору и Робеспьера, но в том же произведении сколько слез пролил он за Марию Антуанетту! Сколько симпатии проявлял он к жертвам революции!

Конечно, певец «Размышлений» попытается тронуть сердца, взволновать души, склонить под магический скипетр женщины прирученную революцию, — вот что думали про себя сторонники регентства.

В действительности произошло совсем другое. Ламартин охвачен был более мужественным порывом. Последние годы он близко наблюдал ослепление консервативной партии и малодушие династической оппозиции. В последние сутки он внимательно следил за бессильными попытками пошатнувшейся монархии выпутаться из беды, он видел бездарность людей, еще находившихся у власти, видел энергию и мужество республиканских вождей. И он думал, что пробил час для более честного, более сильного правительства, опирающегося на преданность и доверие народа.

С самого начала парламентской сессии радикалы пытались разузнать о настроении Ламартина. Он знал, что со времени опубликования «Истории жирондистов» демократическая партия не могла, в случае победы, не уделить ему значительное место в управлении страной. Когда вспыхнула инсurreкция, с ним заговорили более откровенно. Узнав в среду, около полуночи, о катастрофе у министерства иностранных дел, Ламартин, у которого всегда жива были в памяти великие сцены, повествователем которых он стал, сказал:

— Завтра будет 20 июня, а послезавтра мы будем иметь 10 августа.

В четверг утром он был оповещен знаменитым артистом Бокажем и издателем Гетцелем, что готовится вторжение в Тюильрийский замок и в палату депутатов и что подумывают об учреждении временного правительства, к участию, в котором он по всей вероятности будет призван. Деморализация войск делала достоверным в глазах Ламартина успех такой попытки. Он обещал свое содействие, и вскоре отряд инсургентов, которых Бокаж информировал о настроении поэта, устроил под его окнами нечто вроде овации. Отправившись пешком в Бурбонский дворец, он по дороге видел жалкий триумф Одилона Барро и еще более укрепился в своем новом настроении.

В своей речи Ламартин сказал:

— Господа, если я разделяю то волнение, которое вызывает зрелище потрясающих человеческих катастроф, если я разделяю воодушевляющее вас чувство уважения, я не менее разделяю уважение к великому народу, который вот уже три дня борется за низвержение коварного правительства и за установление на незыблемом фундаменте власти и порядка, власти свободы. Но я не тешу себя иллюзиями, которые высказывались только что здесь, на этой трибуне; я не думаю, чтобы всеобщее приветствие, продиктованное волнением и порывом, могло служить базой для прочного и незыблемого права, для правительства, которое должно править 35 миллионами людей. Я знаю, что то, что можно принять восклицаниями, можно восклицаниями же отменить. И какое бы правительство ни было учреждено в момент переживаемого нами кризиса, нужно, важно для народа, нужно всем классам населения, тем, кто пролил свою кровь в этой борьбе, конституировать, наконец, прочное народное правительство. Я требую поэтому, чтобы немедленно, во имя общественного мира, во имя проливающейся крови, во имя народа, три дня ведущего столь славную борьбу, требую, чтобы немедленно учреждено было временное правительство. Это правительство будет, по моему, иметь задачей, во-первых, установить необходимое перемирие, а затем и мир между гражданами; во-вторых, принять тотчас же необходимые меры для созыва на выборы всей страны, в том числе и национальной гвардии.

Еще одно слово. Правительства, сменявшие друг друга за последние пятьдесят лет...

Его прерывают ружейные выстрелы, раздающиеся в кулуарах. Доносившийся извне гул не переставал разрастаться. Теперь он

грохочет, точно взбушевавшееся море. В одной трибуне для публики на верхнем этаже выламывается дверь. Масса людей, вооруженных пиками и длинными кухонными ножами, со свирепыми глазами, с перекошенными лицами, врывается с восклицаниями: «Долой палату! Долой продажных предателей!» Один из инсургентов перегибается из трибуны и с криком: «смерть Гизо!» не совсем твердой рукой прицеливается в Ламартина. Капитан Дюнауйе прикрывает его своим телом.

— В вас целятся, — говорит он.

— Он плохо целится, — отвечает Ламартин, — к тому же, если он меня убьет, я умру на своем посту.

Один гражданин, сержант Дювийар, увидя положенный на края трибуны карабин, отбрасывает его в сторону. Ужас охватывает депутатов. Они бросаются к выходу. Герцогиня Орлеанская с детьми увлекается бегущими. Рабочие, национальные гвардейцы, студенты занимают места на опустевших скамьях. Гул разрастается.

— Председатель предателей, убирайся вон! — восклицает один инсургент, снимая шляпу с головы Созе, который немедленно улепетывает. На своих местах остаются только около двадцати депутатов левой.

Озирая толпу спокойным взглядом, Ламартин все еще стоит на трибуне. Она осаждается со всех сторон; люди друг друга толкают, сбрасывают с лестницы. Из смешавшейся толпы раздаются крики:

— Временное правительство! Временное правительство!

Несколько молодых людей подходят к Дюпону (де л'Эр) и предлагают ему занять председательское место. Карно ведет его к креслу; раздаются аплодисменты. Громко требуют список временного правительства. Предлагаются несколько списков; один из них — от редакции «National», другой — от редакции «Reforme», представляются и списки, тут же наспех составленные.

Дюпон пытается огласить один из списков, но его слишком слабый голос не слышен среди шума.

— Именем народа, замолчите! — кричит капитан Дюнауйе. — Дайте говорить Ламартину.

— Никаких Бурбонов, никаких предателей! Да здравствует республика!

Эти крики, раздающиеся одновременно со всех сторон, заглушают звонкий голос Ламартина. После неслыханных усилий ему удается наконец заставить себя выслушать.

— Господа, — говорит он, — предложение, которое только что внесено, которое я поддержал здесь на трибуне и которое вы

подтвердили вашими восклицаниями, осуществлено. Сейчас вам огласят поименно список временного правительства.

Воспользовавшись минутным молчанием, Дюпон оглашает следующие имена, которые стенографы громким голосом повторяют вслед за ним: Араго, Ламартин, Дюпон, Мари, Кремье. Последние два имени опротестовываются.

— Республика! Республика! Пусть все знают, что мы хотим республики! Пойдем в городскую ратушу! Нужно отвести временное правительство в городскую ратушу!

Эти восклицания мешают огласить список до конца.

— Мы хотим правительства мудрого, умеренного. Не нужно крови, но необходима республика! — кричит какой-то голос в толпе.

В городскую ратушу, с Ламартином во главе! — восклицает Бокаж.

Многочисленная группа толпится вокруг Ламартина и уводит его. Во многих других группах горячо спорят о предложенных во временное правительство именах. Враждебно упоминаются имена Одилона Барро, Марраста, Бастида, Тьера.

Ледрю-Роллен, все время остававшийся на трибуне, требует и добивается минуты внимания.

— В тех условиях, в которых мы находимся, — говорит он, — граждане должны прежде всего согласиться соблюдать в течение некоторого времени тишину и отнестись со вниманием к людям, желающим стать их представителями. Поэтому выслушайте меня. Мы делаем сейчас нечто очень серьезное. Мы только что слышали возгласы неодобрения. Временное правительство нельзя так легко назначать Угодно вам разрешить мне огласить пред вами имена, невидимому имеющие за себя большинство? По мере того как я буду оглашать имена, вы, в зависимости от того, подходят ли они вам или не подходят, будете кричать «да» или «нет». И так как мы должны совершить акт официальный, прошу стенографов «Moniteur» отмечать оглашаемые имена, потому что мы не можем навязать Франции людей, не пользующихся вашим доверием.

— Читайте, читайте! — кричат ему.

И взяв в руки список, уже предложенный Ламартином, Ледрю-Роллен оглашает при одобрительных восклицаниях толпы следующие имена: Дюпон, Араго, Ламартин, Ледрю-Роллен.

Снова раздаются протесты против имен Гарнье-Пажеса, Кремье и Мари. Когда произносится имя Гарнье-Пажеса, один рабочий наивно говорит:

— Да он умер, бедняга!

— Кремье, но не Гарнье-Пажеса! — говорит другой.

Пусть те, кто их не желает, поднимет руку, — говорит Ледрю-Роллен.

Гул и перебранки усиливаются.

— Господа, — снова говорит Ледрю-Роллен, — на временном правительстве, только что назначенном, лежат великие обязанности. Мы должны сейчас закрыть заседание, чтобы правительство могло собраться и принять необходимые меры для прекращения кровопролития и для провозглашения прав народа.

— Да здравствует республика! Да здравствует Ледрю-Роллен! Не дадим себя обмануть, как в 1830 году. В городскую ратушу! — кричат с разных сторон.

И Ледрю-Роллен покидает зал, окруженный шумным кортежем. Дюпон, Кремье и Мари покинули зал еще раньше.

На трибуну всходит молодой человек и восклицает:

— Долой королевскую власть! Долой цивильный лист!

В этот момент один рабочий, обратив внимание окружающих на картину, изображающую Луи-Филиппа, приносящего присягу палате в 1830 году, восклицает:

— Разорвем ее! Уничтожим ее! Долой изменников!

— Подождите, я его сейчас расстреляю, — говорит другой, вооруженный двухствольным ружьем, и с этими словами он выпускает два выстрела, пробивающие портрет Луи-Филиппа посередине большой ленты Почетного легиона. Тогда один рабочий вскакивает на трибуну и твердым тоном властно восклицает:

— Будем охранять памятники, будем охранять собственность! Зачем истреблять? Зачем расстреливать эти картины? Мы показали, что нельзя дурно обращаться с народом, — покажем же теперь, что народ умеет чтить свою победу.

Единодушные аплодисменты приветствуют этот призыв. Рабочего окружают со всех сторон. Ему жмут руки. Спрашивают, как его зовут. Он заявляет, что его зовут Теодор Сико и что он рабочий обойщик.

Толпа, отказавшись от разрушения, покидает зал, и вскоре палата депутатов совершенно пустеет. Идет пятый час. С этого времени городская ратуша становится единственным центром, к которому устремляются, чтобы ожесточенно биться друг с другом, все воззрения, все интересы, все революционные страсти.

4. Народ в городской ратуше

Под ударами ружейных прикладов в двери трибун, при виде пылающих от борьбы людей, взмахивавших с грозными восклицаниями пиками, штыками, кухонными ножами и саблями, из которых иные покрыты были кровью, все собрание вскочило в

испуге. Депутаты, толкая друг друга, перескакивая через верхние скамьи амфитеатра, бросились к выходам. Герцогиня Орлеанская, как я уже упомянула, захвачена была этим стремительным бегством. Перепуганный маленький герцог Шартрский цеплялся за руку матери; один из приставов поднял на руки графа Парижского. Некоторые друзья последовали за ним. Торопливо пробирались вдоль окружного коридора, который обычно занимали пары Франции, и теснясь выходили через небольшую дверь, расположенную в конце левой стороны зала. Там, в узком и темном коридоре, герцогиня, толкаемая, теснимая, почти придушенная к стене проталкивающимися вперед и назад беглецами и преследователями, была отделена от своих детей и сброшена почти в беспамятстве к подножью лестницы.

Прошло несколько минут, пока удалось ее высвободить. В полуобморочном состоянии она дала себя увлечь через большой коридор до второго зала ожидания, куда толпа не успела еще проникнуть. Но и там ей не дали времени отдышаться. Нужно снова двинуться в путь, не останавливаясь, через коридоры, сообщающиеся с дворцом президентства. Ибо опасались за ее жизнь. Когда, герцогиня очутилась в безопасности, она почти совсем перестала владеть собой. Громко звала она своих детей. Она хотела вернуться, искать их, вырвать их из рук врагов или умереть вместе с ними. Но через несколько минут граф Парижский был к ней приведен, и она узнала, что герцог Шартрский находится в безопасности. Жизнь обоих подвергалась опасности. Граф Парижский упал на последних ступенях лестницы, и немного недоставало, чтобы в царившей в коридоре темноте его не растоптали ногами. Офицер его свиты, услышав его детский голос, поднял его, взял на руки и, выскочив через низкое окно, выходящее в сад президентства, принес его к матери. В то же время герцог Шартрский, вырванный из рук инсургента братом пристава палаты Липманом, был спрятан в подвалах дворца. Там его переодели в платье девочки швейцара. Около 8 часов вечера Эльшенжен и Гудето пошли за ним и отвели его к мадам Морне, жившей по соседству с Бурбонским дворцом.

Герцогине, однако, не дали времени отдаться радости возвращения ее детей. Морне и Жюль Ластери, не считая ее в безопасности во дворце президентства, уговорили ее искать убежища во дворце Инвалидов. Она отправилась туда в наемной карете, и герцог Немурский, переодевшийся в штатское платье в канцелярии палаты, поспешил присоединиться к ней.

Маршал Молитор принял своих королевских гостей, не скрывая однако, что не может взять на себя никакой

ответственности, если бы народ узнал, где они скрываются. С этого момента до шести часов вечера дворец Инвалидов был свидетелем многих проявлений внезапной преданности, многих интриг. Представители разных течений приходили в эти часы засвидетельствовать свою преданность делу регентства и обещать активную помощь в городской ратуше.

— Если партии «Reforme» не удастся сразу одержать полную победу, — говорили некоторые республиканцы из редакции «National», — регентство при нашей поддержке будет непременно провозглашено к концу дня депутатами, национальной гвардией и населением, пришедшим в себя после кратковременного замеса.

В то время как герцогиня недоверчиво выслушивала уверения внезапного рвення, временное правительство, назначенное в палате, пробираясь к Гревской площади, где народ, овладев без единого выстрела городской ратушей, на свой особый манер во власть временное правительство.

Выйдя первым из Бурбонского дворца, Ламартин, прождав в течение нескольких минут прихода своих новых товарищей, встал во главе кортежа. Бастид и офицер I легиона, капитан Сент-Аман, держали его за руки. Капитан Дюнуайе, окруженный своим небольшим эскортом и неся трехцветное знамя, которое он в продолжение всего заседания держал на трибуне ораторов, следовал за ним. Тут же находились Лавердан и Кантагрель, сотрудники «Мирной демократии», несколько студентов и несколько национальных гвардейцев. В некотором расстоянии от них двигался Дюпон (де л'Эр), который в виду своего преклонного возраста не мог ходить пешком и которого усадили на наемные дрожки. Вскоре к ним присоединился Кремье. Так шли по четыре в ряд, а барабанщиками во главе, через набережную Орсе, по направлению к городской ратуше.

Кортеж не был многочисленен. Он насчитывал не больше шестисот человек. Толпа, которую привлекало любопытство и которая обращалась к членам кортежа с расспросами о происходящих событиях, восклицая вслед за инсургентами: «Да здравствует временное правительство!», тоже не представляла собою силы, способной противостоять даже малейшей атаке. А такая атака была вполне возможна. Полки, эскадроны и батальоны которых дефилировали еще в полном порядке на противоположной стороне Сены; форты во власти монархии; маршал Бюжо и молодые принцы, несомненно пылавшие желанием взять быстрый реванш над народом; национальная гвардия, создававшая, что явилась орудием в руках республиканцев, и переходившая на сторону регентши; пэры и депутаты, склонявшиеся в пользу

регентства и имевшие еще возможность быстро восстановить конституционное представительство, — такие мало успокоительные перспективы развертывались перед политическими вождями, которых дала себе инсurreкция. Ламартин, решительно продвигаясь к городской ратуше, размышлял об этих возможностях. В его памяти проносились сцены первой революции. Он уже устал, чувствовал себя разбитым борьбой.

Когда кортеж подошел к казарме на набережной Орсе, куда только что возвратился в драгунский полк, некоторые солдаты, услышав восклицания: «Да здравствует временное правительство!», схватились за ружья. Ламартин опасался столкновения, он с дрожью вспомнил о катастрофе на бульваре Капуцинов. И подойдя к запертым воротам, из-за которых солдаты подозрительно его осматривали, он громко сказал, что очень хочет пить, и попросил драгун принести ему немного вина. Один из них прибежал и принес бутылку вина. Стакан наполнили. Ламартин взял его, но прежде чем поднести его к губам, он поднял его в правой руке и, оглянув волнующуюся толпу спокойным и мягким взором, сказал:

— Друзья мои, вот наш банкет.

Это было напоминанием и как бы празднованием в двух словах возникновения и конца борьбы, не признававшегося и завоеванного права, отомщенной свободы. Восторженный крик: «Да здравствует Ламартин!» был ответом на этот тост. Солдаты и народ стали брататься; опасность была устранена, кортеж снова двинулся в путь.

Кортеж переходит на правый берег Сены по Новому мосту и выходит на набережную Межисери, где через каждые двадцать шагов путь преграждают баррикады, Кремье, которого посадили в карету, выходит на набережную вместе с Дюпоном, которого должны на каждом шагу приподнимать, чтобы помочь ему перебираться через наваленные камни. Набережная имеет гнетущий вид. Длинные следы крови, обрывки обмундирования, трупы лошадей, валяющиеся на земле, носилки, на которых уносят убитых и раненых, — все это свидетельствует о недавних боях. Толпа становится более тесной и более шумной по мере того, как кортеж приближается к Гревской площади. Молодая женщина, напялившая на себя каску и кожаные предметы обмундирования муниципального гвардейца, выбегает из толпы и обнимает капитана Дюнуайе, восклицая: «Да здравствует республика!». Она собирается также расцеловать Ламартина, но последний, указывая ей на проносимых раненых, сурово советует ей оставить бойцов и

пойти помогать жертвам. Когда кортеж доходит до конца набережной, пред ним открывается Гревская площадь, являющая собой ужасное зрелище. Покрытая трупами лошадей, осколками ружей, окровавленными мундирами, ошетиленная пиками и штыками, среди которых развеваются знамена победившего восстания, она в тумане дождливого дня, придававшем всему бесформенный вид, казалось, раскинулась на далекое пространство, чтобы охватить все более разраставшиеся толпы стекавшегося со всех «горой народа. Четыре орудия, покинутые войсками и заряженные картечью, охраняют вход в городскую ратушу под бронзовой фигурой короля Генриха. Атмосфера пропитана возбуждающим запахом пороха. Над смешанным гулом толпы раздаются монотонные и торжественные удары большого колокола с башни собора парижской богородицы. На всех окнах, на всех балконах, на крышах лепятся бойцы, размахивающие знаменами, обращающиеся с речами к народу и бросающие ему разные имена, теряющиеся в общем гуле. Один лишь страстный призывный крик вырывается из всех взволнованных сердец, из всех пылающих уст и разлетается во все стороны: *Республика!*

Когда толпа, экзальтированная, опьяненная, еще вся трепещущая пылом торжества, вдруг видит направляющийся к городской ратуше кортеж с трехцветным знаменем впереди, который, как говорят, идет из палаты депутатов, чтобы взять, в свои руки правительственную власть, она недоверчиво настораживается.

— Нас обманывают! Это изменники! Повторяется то же, что было в 1830 году, — кричат в вооруженных группах, среди которых доминируют члены секций, бойцы 1832—1834 года, члены тайных обществ. Малейшего знака достаточно было бы, чтобы насторожившийся народ воспрепятствовал проходу подозрительного кортежа. Только вмешательство мужественных и сильных людей помогает открыть проход временному правительству сквозь непроницаемую массу, недоверчиво вззирающую на него. Но при имени **Дюпона (де л'Эр), произнесенного некоторыми инсургентами, головы обнажаются. Наиболее близко стоящие, увидя едва держащегося на ногах старца, тронуты. Все отстраняются, чтобы дать ему дорогу.** Воспользовавшись этим, другие члены временного правительства, отделенные друг от друга движением толпы, пробиваются до центральных дверей ратуши. Наседающая толпа их приподнимает, и они, сами не зная каким образом, пробиваются сквозь узкий проход, где теснятся тысячи людей. Наконец они внутри ратуши.

Стены старого здания дрожали от стоявшего в нем неопишемого рева. При треске выстрелов, которыми бойцы праздновали в коридорах радость победы, лошади, покинутые муниципальными гвардейцами, шарахались в испуге, поднимались на дыбы и приходили в еще больший ужас, когда ударами копыт об усеянную порохом мостовую вызывали там и сям вспыхивавшие искры. Тут же, на соломе, стонали раненые и умирающие. Бряцание ружей, сталкивавшихся при напорах толпы, поднимавшейся и спускавшейся с лестницы, звон выбитых и падавших на каменный пол стекол, перебранки, взрывы смеха, которые эхо на сотни ладов разносило под звонкими сводами, оглушали людей и сеяли смятение, доходившее почти до потери сознания.

Долго не будучи в состоянии выбраться из двигавшейся в разные стороны толпы, то бросаемые друг на друга, то отделяемые наплывом масс, Ламартин и Дюпон пробрались, наконец, на второй этаж. Таким же образом пробрались туда вскоре затем и Ледрю-Роллен, Кремье и Мари, но, толкаемые, переносимые, перебрасываемые из одного зала в другой, из одной галереи в другую через вестибюли, лестницы и незнакомые им коридоры, в которых толпилась лихорадочная, беспокойная толпа, которая ничего не хотела слышать, они блуждали свыше часа, предоставленные своим личным порывам, произнося речи, не сталкивавшись предварительно меж собою, и говоря наобум об успокоении, о единстве о преданности народу, о национальном правительстве. Каждый из них встречал на своем пути какого-нибудь народного оратора, который с пистолетом за поясом и с саблей в руке, взобравшись на скамью, на стол, на консоль, провозглашал по своей воле какой-нибудь состав правительства. Одновременно провозглашено было в эти первые часы свыше пятидесяти имен в различных частях городской ратуши, рядом ставились имена людей, наиболее чуждых друг другу, наиболее друг другу антипатичных.

В одном месте диктатуру вручали вождям тайных обществ, бывшим заключенным, заговорщикам, баррикадным бойцам. В другом — какой-нибудь эмиссар бонапартистской партии провозглашал имя принца Луи Наполеона. Немного поодаль восхваляли Ламеннэ. Еще дальше — Ларошжаклен, высокая фигура, густая шевелюра, зычный голос и сияющее лицо которого привлекали к себе взоры, чаровал толпу, не знавшую его имени, страстностью своих выпадов против династии Орлеанов.

В тронном зале непрерывное и шумное заседание обсуждало разные предложения и издавало самые эксцентричные декреты. В

зале муниципального совета сторонники графа Парижского пытались, но без всякого успеха, вызвать симпатии к регентству. В этом-то зале народ впервые утвердил свой суверенитет. Вот что там произошло с утра.

Читатель помнит, что маршал Бюжо возложил на генерала Себастиани охрану городской ратуши. Помощниками ему служили генерал Таландье и полковник Гароб. 9-й легион, под командованием полковника Бутареля, был выстроен вдоль стен дворца с внутренней стороны решетки. Настроение национальной гвардии здесь, как и повсюду в других местах, было очень неопределенное. Она не только не воодушевляла войска, но заражала их своей нерешительностью. Распоряжения генерала Себастиани к тому же поколебали доверие солдат. Вместо того, чтобы сосредоточить свое войско вокруг городской ратуши, генерал разослал по всем направлениям отряды, слишком слабые, чтобы быть в состоянии бороться с повстанцами. Народ умышленно, без боя, давал им проникать в глубь узких улиц, но как только они уходили вперед, в их тылу воздвигались баррикады, делавшие для них отступление невозможным. Сжатые, таким образом, в узких проходах, осыпаемые из пятиэтажных и шестиэтажных домов выстрелами, на которые они не в состоянии были отвечать, солдаты, с одной стороны подвергаясь опасности быть истребленными, а с другой призываемые к братанию о народом, покорно давали себя разоружать. Ни один из посланных генералом Себастиани отрядов не вернулся назад, и восстание, решительно продвигаясь вперед во всех направлениях, одержало полную победу почти безо всякой борьбы. Известие об отречении короля было последним ударом для стойкости генерала Себастиани. Оставшись одиноким, он, закутавшись в широкий плащ, ушел пешком из ратуши, когда офицеры обратились к нему за распоряжениями.

— Самое благоразумное, что вам остается сделать, — ответил он им, — это возможно скорее убраться отсюда.

И войска оставили свои посты, сдав почти целиком свое оружие народу, который ринулся через двери Генриха IV в здание ратуши. 72 солдата муниципальной гвардии отступили во двор, из которого не было выхода. В ожидании верной смерти они сложили оружие. Молча, неподвижно стояли они в ожидании нападения врага, которого они считали беспощадным. Но тут находился человек с душою, взявшийся их спасти. Флотар, один из администраторов муниципалитета,

вышел навстречу инсургентам. Сняв со своей груди орден июльских борцов, он показал его толпе и воскликнул:

— Во имя победившего народа выслушайте ветерана свободы! Не нужно больше крови! Не нужно никакой мести! Помилование пленникам!

— Помилование пленникам! — раздается голос в толпе. — Мечь народа — это милость!

— Только австрийцы умерщвляют пленников, — воскликнул другой голос.

Видя, что его слова встретили сочувственный отклик, Флотар стал действовать смелее. Его высокая и крепкая фигура, отдаленное сходство с популярным поэтом Беранже благоприятствовали ему. Он повернулся к муниципальным гвардейцам и, подняв свой орден к склоненной голове унтер-офицера гвардейцев, произнес:

— Солдаты, проходите под этим славным орденом, и вы встретите пред собою лишь друзей, лишь братьев.

Муниципальные гвардейцы стали проходить один за другим. Гнев народа рассеялся, он уступил место чувству сострадания и республиканские бойцы наперерыв стали их охранять и приглашать к себе, чтобы укрыть солдат монархии.

Рамбюто покинул свой пост за несколько минут до вторжения народа. В то время как Флотар предлагал ему экстренно созвать муниципальный совет, вошел человек в форме национальной гвардейца и, обратившись к Рамбюто, заявил ему, что пришел от имени народа лишить его функций и занять его место. При этом он потребовал, чтобы Рамбюто представил его своим присутствующим чиновникам и муниципальному совету, который должен был собраться. Рамбюто сослался на то, что не занимает больше никакого поста, но не отрицал полномочий своего преемника и уступил ему свое место. Новый префект был поручиком 8 легиона, фабрикантом виньеток для кондитеров. Его звали Журданом. Флотар и другие чиновники городской ратуши решили между собою созвать муниципальный совет. Они перешли в зал заседаний, который был уже набит ворвавшимся народом. Группа студентов Политехнической школы, находившихся там, спешно составила и разнесла пригласительные повестки. Несмотря на претензии Журдана, желавшего непременно председательствовать и уже занявшего председательское кресло, доктор Тьерри был посажен председателем национальными гвардейцами и студентами Политехнической школы, сгруппировавшимися вокруг него. Журдан счел благоразумным удалиться. В зале установилась некоторая тишина, и совет мог приступить к работе. Тотчас же

было внесено одно за другим несколько предложений. Когда Делестр предложил учредить комитет всеобщей безопасности, было потрачено много драгоценного времени на обсуждение своевременности такой меры. Большая часть членов совета, чувствовавших себя не в безопасности среди беспрестанно наплывавшей толпы и уstraшенных особенно все более приближавшимся ревом, доносившимся с площади, выдвинули ряд возражений относительно закономерности их созыва. И через несколько минут они скрылись. Вскоре на своем посту, остались только Флотар, доктор Тьери, Рекюр и несколько других членов совета.

В этот момент небольшая группа лиц делала всяческие усилия пробиться в зал.

— Дайте место, дайте место! — восклицал Тьери, узнавший Гарнье-Пажеса, Бомона и Мальвиля.

Лица эти явились из министерства внутренних дел. Подойдя к доктору Тьери, они шепотом ознакомили его о положении.

Между тем народ, теряющий терпенье от этих проволочек, начинает волноваться и роптать. Один из бойцов, высокий, с очень красивым лицом человек, с длинной рыжей бородой, ниспадающей до середины груди, с подвешенным поперек пальто на плече ружьем, поднимается на выступ и начинает говорить. Не без красноречия набрасывает он сжатый обвинительный акт царствования Луи-Филиппа и в заключение требует немедленного суда над ним и осуждения на смерть. Эти слова встречаются аудиторией с заметным отвращением. Доктор Тьери поднимается и протестует в резких выражениях, энергичным тоном и жестами.

— Не нужно крови! — говорит он. — Не будем позорить победу народа! Долой эшафот! Не надо больше жертв! Двадцать лет провел я у изголовья умирающих, — я знаю ценность человеческой жизни. Во имя человечности, во имя философии, во имя революции я требую отмены смертной казни!

Там и сям раздается ропот, но он тотчас же заглушается громом аплодисментов великодушного народа.

Флотар предлагает присутствующим избрать вместо низложенного муниципального совета новый Народный совет и восстановить парижскую мэрию. Это предложение принимается с одобрением. Приступают к правильным выборам. Поднятием рук за и против народ принимает назначение Гарнье-Пажеса мэром Парижа. Гарнье-Пажес благодарит своих сограждан и просит, относиться с уважением, к предоставленной ему власти. По предложению Флотара, товарищами мэра избираются Динар и Рекюр. Странники династии, поняв, что им нечего ждать от

выяснившегося движения, пользуются общей суматохой и скрываются.

Новый мэ́р и его товарищи почти тотчас же покидают зал и, руководимые Флотаром, укрываются в отдаленной комнате, куда народ еще не успел проникнуть. В то время как они выходят в одну дверь, в другую дверь входит Шарль Лагранж. Он представляется народу и сообщает, что в ратушу идет временный комитет, назначенный редакцией «Reforme». Он просит очистить зал, дабы новое правительство могло свободно приступить к работе. Пока он еще говорит, в дверях показывается выделяющийся в толпе своим высоким ростом, раскрасневшимся лицом, с влажным от пота лбом, Ледрю-Роллен. Оглушительный «виват» приветствует его появление. Ему очищают место, подводят его к эстраде и просят сказать что-нибудь. В горячей речи рассказывает он о событиях, только что разыгравшихся в Бурбонском дворце. Слова его то и дело прерываются аплодисментами. Но когда он доходит до избрания временного правительства, лица слушающих его омрачаются: мысль о власти, исходящей от палаты продажных предателей, пробуждает подозрительность народа. Ледрю-Роллена окружают, теснят, забрасывают вопросами, требуют определенных республиканских заявлений и заверения, что он признает лишь власть, исходящую от народа.

Едва только заканчиваются эти объяснения, как дверь открывается и с трудом входит, пробираясь сквозь волнующуюся аудиторию, Дюпон (де л'Эр), опирающийся одной рукой на депутата его департамента Лежандра, а другой на прислуживающую ему пожилую женщину, которая словами и жестами охраняет его от напирющей со всех сторон толпы. Он занимает место на эстраде. Несколько минут спустя к нему присоединяется Ламартин, не перестававший, пробираясь из зала в зал, произносить речи, подписывать воззвания и летучие листки, на которых его заставляли писать: «Да здравствует республика!» Дюпону предлагают огласить имена избранников народа, но жара стоит столь невыносимая, воздух так тяжел, шум так оглушительен в этом зале, куда толпа непрестанно вливается и тешится в течение нескольких часов, что старцу становится дурно. Его приходится вынести. Ламартин, чтобы занять аудиторию, быть может, в десятый раз начинает рассказывать о событиях дня. Он говорит в крайне сдержанных и осторожных выражениях о форме правления, которую надлежало бы дать стране. Он пытается намекнуть, что временное правительство ничего положительного не может установить в этом отношении. Но резкие протесты и многозначительные жесты предупреждают его, что он садится на

подводный камень. Он заявляет тогда, что лично стоит за республику, но повторяет, что, по его мнению, никто не имеет права навязывать ее Франции.

Общее неодобрение, вызываемое этими словами, дает понять Ламартину, что было бы безумием пытаться бороться с этой массой, и, по слову, тихо сказанному ему Флотаром, он покидает эстраду и отправляется в кабинет секретариата, где находятся уже Гарнье-Пажес и Дюпон, успевший отдышаться и прийти в себя вдали от теснящей толпы. Спустя несколько минут приходят и Лендрю-Роллен и Араго. Можно приступить к обсуждению положения.

Прежде всего баррикадируют вход. Десяток студентов Политехнической школы и несколько преданных людей становятся часовыми в стеклянной галлерее, предшествующей кабинету. Они становятся у дверей, закрывая их своими спинами, и оттесняют наступающих. Им то и дело приходится выдерживать новые натиски. Делегаты народа требуют пропуска; они желают присутствовать на заседании правительства и наблюдать за его решениями. Они настаивают и угрожают. У них имеются в случае уверток со стороны правительства другие, диктаторы. Их уговаривают немного потерпеть, стараются добиться от них хотя некоторой передышки, и лишь с большим трудом удается их отстранить на некоторое время. Присутствие в рядах правительства Лендрю-Роллена не является в их глазах достаточной гарантией.

— Не нужно допускать победы банды Лендрю-Роллена, — говорят в разных группах представители крайних.

Они требуют учреждения комитета общественного спасения, который состоял бы только из их людей. С площади слышен глухой, непрерывный, ужасающий гул: то народ громко возмущается тем, что так медлят с провозглашением республики. А между тем наступает ночь, а опасность еще не устранена: опасность со стороны сторонников королевской власти, которые уже плетут заговоры, опасность со стороны масс, возбужденных боями, голодом ожиданием, подозрениями. Весь город в их руках.

Дюпон и Араго, задумчивые, озабоченные, во власти грустных воспоминаний и печального предчувствия, ждут, сидя по обе стороны камина, внесения каких-нибудь предложений. Их лица выражают лишь пассивность и нерешительность. Ламартин, наоборот, полон, повидимому, веры в самого себя и в будущее; мыслью он уже освоился с революционной стихией. Он чувствует, как за последние часы крепнут в нем мужество и

красноречие, эта два великих дара, пред которыми народ так охотно склоняется. Экзальтированные надежды на величие и славу лишают его чутья действительности.

Вокруг него группируются нерешительные элементы правительства. Кремье жестикулирует и оживленно говорит в туманных выражениях. Способный и многоречивый адвокат, он с утра готов стать и на сторону регентства, и на сторону республики. Мари и особенно Гарнье-Пажес, оглушенные быстрым ходом событий, теряют почву под ногами и отказываются от проявления всякой инициативы. Что касается Марраста, только что прибывшего, он остается в стороне, наблюдает и хранит молчание. Когда собираются, наконец, усесться и попытаться сговориться о недопускающих отлагательства вопросах, раскрывается дверь; часовые, охраняющие вход к правительству, отходят в сторону. Входят двое новых людей, которых не ожидали: Луи Блан и Флокон. Их появление, повидимому, производит неприятное впечатление на некоторых из присутствующих. Наступает минута замешательства. Шушуканье и неприязненные взгляды протестуют против вторжения пришельцев.

— Что им здесь надо? — говорит Кремье Ламартину.

— Не знаю, — отвечает последний самым равнодушным тоном.

Луи Блан, не давая себя обескуражить, подходит к столу, за которым уже уселись Дюпон и Араго,

— Что же, господа, приступим к работе, — говорит он.

При этих словах Араго вскидывает на него удивленный взгляд и высокомерно заявляет:

— Конечно, милостивый государь, мы приступим к совещанию, но не раньше, чем вы уйдете отсюда.

Гнев перекашивает лицо Луи Блана. С его уст срываются очень резкие слова. Завязывается перебранка. Луи Блан утверждает, и с полным основанием, что он так же законно избран, как и другие члены временного правительства, ибо он так же, как и они, избран с одобрения народа в зале Сен-Жан. Гарнье-Пажес, председательствующий в качестве парижского мэра, пытается положить конец спору, предлагая распределить между присутствующими функции правительственной власти, небрежно обронив слово «секретари», очевидно примененное им к Маррасту, Флокону и Луи Блану, избрание которых состоялось не в палате депутатов. Задетый этой инсинуацией, последний грозит уйти и апеллировать к народу, но вмешивается Лендрю-Роллен и закликает его, как и Флокона и

Марраста, во имя их патриотизма, не сеять раздора в нарождающейся республике. Флокон тотчас же уступает; Марраст продолжает упорно хранить молчание; Луи Блан, не желая поддерживать свое требование, принимающее уже личный характер, покоряется или, по крайней мере, делает вид, что принимает скромное звание «секретаря». Но в то же время он властно заявляет, что временное правительство имеет еще одного коллегу, на которого оно не рассчитывает, рабочего Альбера, избранного — утверждает он — как и он и вместе с ним народом. Никто не высказывает никаких возражений. Все сознают необходимость взаимных уступок, а про себя все думают, что необходимо терпеть друг друга в ожидании, когда можно будет друг друга вытеснить.

Альбер, рабочий механик, действительно избран был во дворе отеля Бюлион, под окнами редакции «Reforme» отрядом возвращавшихся из Тюильрийского замка повстанцев. Альбер был мало известным заговорщиком, имя которого никогда не встречалось в демократической прессе. Но 24 февраля достаточно было показать мужество на баррикадах, чтобы заслужить энтузиазм толпы. Как бы то ни было, избрание рабочего членом временного правительства является историческим фактом, значения и характера которого нельзя не признавать. Он знаменует освободительное движение рабочего класса, еще не сознательное, но отныне уже уверенное в себе. Он знаменует точно также переход, от политической революции к революции социальной.

Лун Блан, понимая, какую ценную поддержку он имеет в лице человека из народа, который будет служить ему посредником между ним и рабочими, не стремясь играть главную роль, от души приветствовал избрание пролетария. Устремившись тотчас же из редакции «Reforme» в редакцию «National», где печатается для распространения на улицах список временного правительства, он вписал в него имя Альбера. Затем он вместе с Флоконом направился в городскую ратушу, произнес в зале Сен-Жан, где происходили совещания разных групп повстанцев, социалистическую речь, в которой он упомянул об *организации труда*, очаровал своих слушателей, получил от них подтверждение своего избрания и появился, как мы уже отметили, на заседании правительства. Большим ущемлением его самолюбия был оказанный ему Араго прием и в особенности вмешательство Ледрю-Роллена, уговаривавшего его согласиться на принятие второстепенного звания. С этого момента началась между ним и большинством правительства сперва глухая, а потом все менее и менее скрытая

борьба, которая подрывала в значительной мере силы правительства, парализовала его деятельность и привела, после гибельных для страны кризисов, к нейтрализации сил, которые использованы были враждебными республике партиями.

Глубокие разногласия между большинством и меньшинством правительства обнаружили уже в момент, когда обсуждалась форма обращения к народу, где народу возвещались его собственное торжество и падение династии. Ламартин составил было проект обращения, в котором заключались следующие слова: «Временное правительство заявляет, что парижским народом и им временно принята республика»; и дальше: «...При народном и республиканском правительстве, провозглашенном временным правительством» и пр. Эта редакция вызвала возражения одинаково с обеих сторон. Луи Блан, Ледрю-Роллен и Флокон требовали безусловного провозглашения республики без необходимости ее утверждения в будущем. Гарнье-Пажес, Мари и Дюпон предлагали умолчать об окончательной форме правления; в крайнем случае они допускали лишь выражение предпочтения республиканской форме. Араго отказывался подписать свое имя под актом, который он объявлял узурпаторским. Чтобы обойти это затруднение, Ламартин и Кремье, составлявшие проекты, старались подыскать нейтральные выражения, приемлемые для обеих сторон. Задача была не легкая. Много разных формул последовательно предлагалось и отвергалось. Наконец согласились на проекте Ламартина, который немедленно был отослан в редакцию «Moniteur» для опубликования. Проект составлен был в следующих выражениях.

ИМЕНЕМ ФРАНЦУЗСКОГО НАРОДА

Воззвание временного правительства к французскому народу, Реакционное и олигархическое правительство низложено героизмом парижского народа. Это правительство бежало, оставив за собою следы крови, навсегда закрывающие ему пути к возвращению.

Кровь народа лилась, как в июле, но на этот раз не была допущена измена. Народ завоевал себе национальное и народное правительство в соответствии со своими правами, с прогрессом и с волею великой и благородной нации.

Временное правительство, экстренно назначенное с общего согласия народом и депутатами департаментов, временно уполномочено закрепить и организовать победу нации. В него входят Дюпон (де л'Эр), Ламартин, Кремье, Араго (член Института) Ледрю-Роллен, Гарнье-Пажес и Мари.

Его секретарями являются: Арман Марраст, Луи Блан и Фердинанд Флокон.

Эти граждане без всякого колебания приняли на себя патриотическую миссию, которая диктовалась необходимостью. Когда столица Франции пылает в огне, временное правительство обязано организовать общественное спасение. Вся Франция это поймет и будет ему помогать своим патриотизмом. При народном правлении, провозглашаемом временным правительством, каждый гражданин участвует в управлении государством.

Французы, явите миру пример, какой Париж явил Франции. Соблюдением порядка и доверием к самим себе готовьтесь к тем прочным учреждениям, которые вы призваны будете построить для себя.

Хотя временное правительство действует лишь от имени французского народа и хотя оно предпочитает республиканскую форму правления^{**}, ни парижский народ, ни временное правительство не думают противопоставлять свое мнение мнению граждан, которые будут призваны решить вопрос об окончательной форме правления, какую провозгласит суверенитет народа.

Единство нации, отныне образуемое всеми классами составляющих ее граждан, управление нацией ею самою, свобода, равенство и братство — в качестве основных начал, народ в качестве девиза и лозунга — вот демократическое правительство, достойное Франции, которое мы своими усилиями сумеем закрепить.

Как видно из текста, Ламартин не то по нерешительности, не то из желания сохранить согласие в рядах правительства, отступился от своих личных взглядов и уступил желанию большинства. Ледрю-Роллен не подписал это обращение, находя его слишком неопределенным. Флокон, не читая, подписавший его, зачеркнул свое имя, видя, что Ледрю-Роллен отказался поставить свою подпись. Альбер, не присутствовавший на заседании, не мог подписаться в оригинале. Его имя вместе с именем Флокона было прибавлено Луи Бланом на корректурном оттиске «Moniteur».

Между тем народ, все более волнуясь и раздражаясь, не переставал посылать временному правительству вооруженных де-

легатов, грозивших самыми ужасающими бедствиями, если не поторопятся провозгласить республику. Предместья и пригороды непрерывно вливали на площадь новые народные массы, воодушевлявшие пыл тех, кого утомило долгое ожидание; они врывались в ратушу, наполняли залы и коридоры и осаждали двери кабинета, в котором заседало правительство. Некоторые члены правительства, к которым присоединялись граждане, пришедшие предложить им свою помощь, — Феликс Пиа, Бетмон, Куртэ, Бартеlemi Сент-Илер, Рекюр, Динар, Тома, Сарран, Гетцель и др., — то и дело выходили и обращались к народу с речами, упрашивая его потерпеть еще несколько времени в спокойствии и тишине. При виде Ламартина волнение разрасталось; он одновременно был и более подозрителен, и более дорог народу, нежели все его коллеги.

— Это аристократ! Это роялист! Это жирондист! — кричали крайние.

Другие, наоборот, хотели устраивать ему оvationи. А он, невозмутимый среди этой бури, отстранял жестом, словом, каким-нибудь взглядом направленные в него ружья. Но все острые словца, все просьбы, все речи добивались лишь коротких передышек, и буря снова разгоралась еще с большею силою. Пока Ламартин говорил к народу в зале Сен-Жан, Луи Блан спустился на самый низ лестницы. Там стоял стол, и он вскочил на него.

— Правительство, — сказал он, — желает республики.

Крик энтузиазма был ему ответом. Рабочие написали углем огромными буквами на большом полотне: «Единая и неделимая республика провозглашена во Франции». Сделав это, они поднялись на выступ одного из окон и развернули полотно при свете факелов. И когда обращение правительства было принесено из типографии, все почувствовали, что атмосфера сильно изменилась и что, если огласить пред народом столь двусмысленное обращение, оно выведет его из себя, и все может погибнуть. Луи Блан настойчиво повторяет свои требования и наконец одерживает победу над колебаниями своих коллег. В параграфе, где было сказано: «хотя временное правительство душою и по убеждению стоит за республиканскую форму правления», эти слова были заменены первой формулой Ламартина: «Временное правительство желает республики при условии утверждения ее народом, который немедленно будет призван высказаться». И обращение, таким образом измененное, сотнями выбрасывается на летучих листках из окна городской ратуши. Оно успокаивает волнуемую площадь. Подозрения и угрозы сменяются взрывом радости, доходящей до неистовства. Народ снова проникается

^{**} Чернильное пятно покрывает на оригинале манускрипта слово «предпочитает». На полях рукою Луи Блана вместо этого слова написано «душою и по убеждению стоит за республиканское правительство».

доверием к своим избранникам. Правительство может, наконец, приступить к организации власти и распределить между собою бремя управления.

Место председателя без портфеля вручается единогласно Дюпону. Его преклонный возраст, честность и республиканская простота его образа жизни вызывают общее уважение. Это имя без единого пятна. Все надеются, что таково же будет отношение к нему народа, и он сможет заставить умолкнуть разногласия и взаимную вражду, уже проявлявшиеся в недрах правительства.

Назначение Ламартина в министерство иностранных дел также было принято единогласно. Все понимали, что необходима крайняя осторожность в сношениях с иностранными державами и что следует возможно искуснее провести переходный момент и дать монархической Европе привыкнуть к республиканской Франции. Араго взял на себя морское министерство, не встретив никаких возражений. Блеск его демократического имени и слава ученого окружали его авторитетом, чрезвычайно ценным для правительства, едва становившегося на ноги на колеблющейся почве. Некоторые споры вызвал вопрос о министерстве внутренних дел. Колебались между Ледрю-Ролленом и Кремье. Но последний сам решил этот вопрос, заявив, что необходимо дать удовлетворение народу, поставив в министерстве внутренних дел человека, лучше представлявшего революционное движение, а сам удовольствовался портфелем министра юстиции.

Гарнье-Пажес, избранный народом мэром Парижа и желая сохранить за собою этот важный пост, не взял никакого министерства. Министром финансов был назначен банкир Гудшо, который в редакции «National» упрочил за собою репутацию ловкого финансиста. Карно было поручено министерство народного просвещения, к которому, присоединено было министерство культов. Мари получил портфель министра общественных работ, а депутат оппозиции Бетмон - портфель министра торговли. Командование национальной гвардией и первой дивизией отдано было полковнику Куртэ, члену палаты депутатов, бывшему офицеру королевской армии. Назначение Шарля Лагранжа, которого народ приветствовал в качестве коменданта городской ратуши, не было ни оспорено, ни официально подтверждено. Лагранж же проявил большую энергию при отправлении своих новых функций, и никто не собирался их у него отнять.

Самым трудным делом было найти кандидата на пост военного министра. Единственным известным республиканцем, способным занять столь важный пост, был находившийся в Африке генерал Эжен Кавеньяк, брат Годфруа. Его назначили губернатором Алжира.

Так как некоторые предложенные кандидаты отказались от этого поста, Ламартин предложил дивизионного генерала Сюберви, волонтера 1792 года, отличившегося блестящими делами в великих войнах Империи, оппозиционного депутата, который, как можно было надеяться, будет хорошо принят и армией и народом. Пока шли эти переговоры, поступило сообщение, что военное министерство занято бывшим поставщиком армии Эспри, который самовольно захватил министерство и уже приступил при помощи полковника Алара к исполнению своих обязанностей. За ним послали от имени временного правительства. Он сперва отказался прибыть, но затем под фиктивным предлогом его все же удалось привести в городскую ратушу. Там его задержали на всю ночь под стражею в смежном кабинете. На свободу его выпустили лишь тогда, когда генерал Сюберви вступил в отправление своих обязанностей. В тот критический момент малейшее проявление неповиновения могло вызвать гибельное усложнение. К счастью, ни один из высших офицеров армии не оказал ни малейшего сопротивления, и признание маршалов Сульта и Бюжо и генералов Дювивье, Леде, Бедо, Ламорисьера и других вскоре совершенно успокоило в этом отношении временное правительство.

Таким образом конституированное и организованное, правительство спешно издало наиболее необходимые декреты.

Ламартин составил лаконический декрет, объявлявший распущенной палату депутатов. Посылая этот декрет в редакцию «Moniteur», Кремье заметил, что его товарищ забыл упомянуть о палате пэров, и вставил следующую фразу: «Палате пэров воспрещается заседать». В этом декрете возвещался скорый созыв Национального собрания. Другой декрет озабочился об охране Тюильрийского замка и Лувра. Наконец в обращении к национальной гвардии ей выражалась благодарность за ее братский союз с народом и высшими школами, и она призывалась от имени признательного отечества охранять порядок в столице. Это обращение возвещало вместе с тем, что отныне все граждане входят в состав национальной гвардии.

Между тем время шло, было уже около двенадцати часов ночи. Подавленные усталостью, истомленные десятичасовой

борьбой и беспрестанными волнениями, новые диктаторы почувствовали муки голода. Никто из них ничего не ел с самого утра. Они на минуту прервали свою работу, чтобы попытаться подкрепить свои силы. Но под руками не было ничего даже для самой скромной закуски. Не было ни посуды, ни продуктов. Походный хлеб, несколько кусков швейцарского сыру, оставленного солдатами, одна бутылка вина и ведро воды, принесенное одним рабочим, - все, что можно было после долгих розысков найти, чтобы насытить и утолить жажду новых министров. Флотар вынул из кармана перочинный ножик, который переходил из рук в руки. Запивали друг за другом из зазубренной чашки.

— Вот трапеза хорошего предзнаменования для дешевого правительства, — весело сказал Ламартин.

Закончив трапезу, снова приступили к работе.

Тематические ссылки:

Луи Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm>

Революция 1848 года: сборник статей, писем и стихов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_1.pdf

РЕВОЛЮЦИЯ 1848 ГОДА ВО ФРАНЦИИ (февраль—июнь)

в воспоминаниях участников и современников

Серия «ИНОСТРАННЫЕ МЕМУАРЫ, ДНЕВНИКИ, ПИСЬМА И МАТЕРИАЛЫ»

Подбор, перевод, статья и комментарии Е.Смирнова

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm>

А.Молок. Июньские дни 1848 года в Париже

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_4.pdf

Ш.Шмидт. Июньские дни 1848 года

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_6.pdf

Ф.Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830—1848 гг.)

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_5.pdf

С.Сказкин. «Сорок восьмой год во Франции (февраль-июнь)

http://narod.ru/disk/21894969000/1848_3.pdf.html

К СТОЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА: сб. статей

Е. Степанова. Маркс и Энгельс в первые месяцы революции 1848-49 годов

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-1.pdf

А.Нарочницкий. Международные отношения от Февральской революции до лета 1848 г.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-2.pdf

Р.Авербух. Рабочее движение в Вене в августе 1848 года

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-3.pdf

Л.Бендрикова. Экономический кризис рабочее движение накануне Февральской революции во Франции

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-4.pdf

Т.Ойзерман. Развитие марксистской теории на опыте революции 1848 года

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_9.pdf

А.Иоаннисян. Революция 1848 года во Франции и коммунизм

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_10-1.pdf

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok3.pdf>

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/kozhok_lit.doc

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв. половина XIX в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В.Волгин. Этьен Кабе

http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html

Теодор Дезами. Кодекс общности

http://vive-liberta.narod.ru/doc/t-dezamy_code-comm.pdf

Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

Вильгельм Вейтлинг. Гарантии гармонии и свободы. Человечество, как оно есть, и каким оно должно было бы быть

<http://narod.ru/disk/20715261000/weitling.pdf.html>

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Ю.Кучинский. История условий труда во Франции с 1700 по 1948 гг. Глава II. Ранний период французского промышленного капитализма (1789—1848 гг.)

http://enlightment2005.narod.ru/arc/labor_kucz2.pdf

Дж. Рюде. Народные низы в истории: 1730-1848

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude2.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude3.pdf>

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/rude4.pdf>

А. Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в перв. пол. XIX века. В сб. «Французская революция XVIII века: экономика, политика, идеология»

http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

П. Фроман. Рабочее восстание в Лионе

http://narod.ru/disk/11658254000/lyon_from.pdf.html

Хронологическая таблица по курсу "История международного рабочего и национально-освободительного движения"

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/tablim.pdf>

Поль Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/p-louis_blanc_vidal_pecquer_cabet.pdf

Ю. Данилин. Французская политическая поэзия XIX в.

http://narod.ru/disk/8689964000/dan_poet1.pdf.html

С. Великовский. Поэты французских революция 1789-1848 гг.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/poets_velikovski.pdf

Л. Блан. Глава IX (Философия) из книги «История французской революции»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/lblanc_rob.pdf

М. Домманже. Бланки

http://narod.ru/disk/9664864000/blanqui_dommanje.pdf.html

М. Федорова. Классический французский либерализм

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81716006.htm>

Либерализм Запада. Глава 3. Трудные судьбы французского либерализма

<http://narod.ru/disk/4366351000/libr3.doc.html>

М. Алпатов. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в.

Глава 4. Политические взгляды и историческая теория А.Токвиля: «Воспоминания». Токвиль о причинах революции 1848 г. во Франции. Февральская революция в освещении Токвиля. Токвиль о борьбе с революцией. Монархия или республика?

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hist_alptv.pdf

Д. Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm>

О. Орлик. Передовая Россия и революционная Франция: первая половина XIX века

Глава 3. Июльская буржуазная революция 1830 года в восприятии и оценках русской общественности

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic3.pdf>

Глава 4. Отражение в освободительном движении России идейно-политической жизни Франции периода июльской монархии

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic4.pdf>

Глава 5. Французская революция 1848 года и освободительное движение в России

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/orlic5.pdf>

Р. Авербух. Революция и национально-освободительная война в Венгрии в 1848-49 гг.

http://enlightment2005.narod.ru/arc/hung_aver1-3.pdf

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/hung_aver4-6.pdf

И. Майский. Испания 1808-1917: исторический очерк
Первая карлистская война и третья революция (1833–1843)

Диктатура генерала Нарваеса (1843–1854)

Экономика Испании в середине XIX века

http://enlightment2005.narod.ru/arc/espagna_mai2.pdf

История Ирландии

Глава VII. Ирландия в первой половине XIX в. (1801–1848 гг.)

Глава VIII. Аграрный переворот. Движение фениев

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/irin-all.pdf>

И. Полуяхтова. История итальянской литературы XIX в. Эпоха Рисорджименто

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p78170179.htm>

На страницах сводных ссылок - подборки материалов:

Ламартин <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#alam>

Луи Блан <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#lblanc>

и другие...